

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III

годъ девятый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Сказаніе объ Элэнди и его сыновьяхъ (переводъ съ чукотскаго).

Среди чукотскихъ сказокъ и преданій видное мѣсто занимаютъ сказанія изъ временъ борьбы чукотского племени съ таныгами. Подъ общимъ именемъ танынгытанъ чукотская этнографія подразумѣваетъ не только близко родственныя племена коряковъ и чуванцевъ, но также и русскихъ, впервые выступившихъ на границахъ чукотской территории въ союзѣ съ братьями и въ то же время исконными врагами чукотского племени, таныгами. Эти сказанія въ противоположность собственно сказкамъ выгодно отличаются отсутствиемъ фантастического элемента, и нѣкоторыя изъ нихъ живо обрисовываютъ обстановку чукотской жизни и даже умственные и нравственные понятія чукотского племени. Въ общемъ ряду сказаній чукотского народа эти разсказы составляютъ третье наслоненіе. Самое раннее наслоненіе представлено разсказами миѳологическаго и космогоническаго содержанія, которые сами чукчи опредѣляютъ общимъ именемъ тоттумваткин или тоттумваттайнекин т. е. первозданный (первозданно-временный).

Второе наслоненіе составляютъ разсказы о шаманахъ и о духахъ, съ которыми тѣсно переплетены преданія о борьбѣ съ какимъ то племенемъ, пришедшемъ изъ за моря, повидимому имѣвшимъ эскимосское происхожденіе,—впрочемъ значительно потускнѣвшія въ народной памяти и пронизанныя насквозь миѳическими элементами, что указываетъ конечно на древность ихъ (происхожденія).

Что же касается разсказовъ о борьбѣ съ таныгами, которые чукчи отличаютъ отъ другихъ подъ именемъ акалелѣткин т. е. злобійственный, происхожденіе ихъ относится къ болѣе недавнему времени. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр., относятся къ борьбѣ съ русскими, т. е. къ событиямъ, имѣвшимъ мѣсто менѣе полтораста лѣтъ назадъ. Даже въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ врагами чукчъ являются настоящіе таныги, видны многіе слѣды позднѣйшаго происхожденія. Вмѣсто древняго оружія изъ кости или китового уса, въ нихъ всегда является желѣзо, желѣзные ножи, копья, котлы. Даже табакъ, вмѣстѣ съ желѣзными издѣліями составляющій до сихъ поръ первъ чукотско-русской торговли, нерѣдко занимаетъ видное мѣсто. Вообще воспоминанія о временахъ борьбы съ Таныгами еще свѣжи въ народной памяти. Многіе изъ теперь живущихъ нынѣмъ ведутъ свой родъ отъ Айнгурхина, Лавтылѣхына и другихъ витязей, высчитывая число поколѣній, смѣнившихся съ того времени (отъ 9 до 14) и даже опредѣляя происхожденіе по женской или по мужской линіи.

Что касается Айвановъ, эскимосского племени, живущаго по ту сторону Чукотскаго Носа, тамъ гдѣ океанъ возвращается вспять, т. е. по берегамъ Берингова моря (впрочемъ чукчи также называютъ айванами нѣкоторыя племена американскаго материка), то и въ настоящее время между ними и чукчами существуетъ племенная вражда, неоднократно разрѣшающаяся одиночными кровавыми столкновеніями, вродѣ двухъ единоборствъ, описанныхъ въ ниже слѣдующей повѣсти. Въ полной силѣ существуетъ также чукотско-айванская обмѣнная торговля, на которую имѣются намеки въ повѣсти.

Повѣсть объ Элэнди рассказана мнѣ чукчей Айваномъ, по руски Иваномъ, зимою 1896 г. на уроціщѣ Аконайке (безштаниная земля: такъ называется мѣстность, находящаяся къ востоку отъ Колымы внутри лѣсной границы). Название свое она по-

лучила отъ непроходимаго кустарника, безщадно обдирающаго въ лѣтнее время жѣховые шаровары чукотскихъ пастуховъ). Она была записана мною по мѣрѣ разсказа, въ видѣ возможно болѣе точнаго перевода на русскій языкъ. Можетъ быть не безинтересно будетъ замѣтить, что этотъ Айванъ, одинъ изъ лучшихъ сказочниковъ въ области приколымскихъ чукочъ, рожденъ отъ русской матери, которая впрочемъ была отдана въ тундру маленькой дѣвочкой и выросла среди чукочъ, обратилась въ настоящую чукчонку. Происхожденіе отъ русской матери, конечно, не придало Айвану—Ивану ни одной черты, способной отличить его отъ его сосѣдей. Какъ и всѣ прочія дѣти русскихъ женщинъ, вступившихъ въ супружество съ чукчами, онъ по русски не знаетъ ни слова, пасетъ свое стадо такъ же рачительно, какъ и другіе молодые пастухи, приносить жертвы чукотскимъ богамъ (дьяволамъ по русскому опредѣленію), лѣтомъ голодаетъ, питается падалью, гнилью и т. д.

I

Что скажу, съ чего начну? Были пять братьевъ, младшему имя Элѣнди. Всѣ братья были сильные, но Элѣнди быль сильнѣе всѣхъ. Быль Элѣнди крѣпокъ, и ловокъ, и быстръ. Владѣть копьемъ, стрѣлять изъ лука, состязаться въ прѣшемъ бѣгѣ, или въ ристаніи на оленяхъ, быль Элѣнди весьма искусенъ. Были изначала богаты оленями. Стада ихъ, какъ валежникъ. У пяти братьевъ двѣ сестры. Пошли зачерпнуть воды пестро-раскрашеннымъ желѣзнымъ сосудомъ. Ихъ серьги звенятъ на ходу. Металлическіе браслеты отъ кисти до локтя. Не зачерпнувъ воды, стоять надъ обрывомъ, звенять серьгами и браслетами у воды, между собой пересмѣиваются. Толстыя косы висятъ по сторонамъ. Въ это время два коряцкихъ ¹⁾ молодца подкрадываются по надъ берегомъ рѣки. Выскочили, схватили ихъ, каждый схватилъ по одной.—«Пойдемъ съ нами»! говорять. Тѣ отказываются. Взмахнули копьями надъ головой. Что же? Испугались и пошли. Говорить корякъ:—«Вотъ пойдемъ по этой дорогѣ! Вы идите впереди! Убѣгать не пытайтесь»! Дѣвушки не въ силахъ идти пѣшкомъ, ибо весьма богаты, изстари привыклиѣздить на оленяхъ ²⁾. Наконецъ достигли ночлега, сѣли на землю, улеглись спать, и коряки возлѣ нихъ. Старшая и младшая сестра, уставъ отъ ходьбы, не могутъ спать. Ноги ломятъ, духъ стремится домой. Крѣпко заснули коряцкіе парни. Дѣвушки отъ желанія къ дому не спятъ. Впереди по дорогѣ виднѣется сиѣжная заростель ³⁾. Говорить старшая сестра младшей.—«Они спятъ, убѣжимъ хоть къ этому сиѣгу и зароемся тамъ. Пусть они уйдутъ безъ насъ. Не то убьютъ насъ — мы ходить не въ силахъ!»—У сонного старшаго сестра вытащила ножъ изъ за пояса. Обѣ ушли къ заростелю. Подошли, ударили ножомъ, пробили отверстія, разгребли внутри сиѣга до черной земли, сдѣлали словно жилище. Старшая младшую протолкнула внутрь въ отверстіе, потомъ тщательно загребла и закрыла, какъ будто старый нетронутый (сиѣгъ). Покончивъ, говорить:—«Я уйду, тебя покину! По крайней мѣрѣ ты хоть воротись домой. Госку Элѣнди утѣши!» Предъ уходомъ старшаго сестра говорить младшей:—«Пока мы будемъ здѣсь, ты ожидай, скучая! Когда уйдемъ и солнце подымется высоко, выйди наружу, иди домой! Одинъ изъ коряковъ сильно меня желаетъ, пусть уведетъ меня! Ты одна хоть воротись домой! (Скажи Элѣнди!): «Меня любящій за мною придетъ»!... Вернулась назадъ, положила ножъ на прежнее мѣсто, легла рядомъ съ парнями.

¹⁾) Таньнтын аàчэк. Я предпочелъ перевести коряцкихъ, а не чував-
скихъ, хотя приколымские чукотские сказочки, не видѣвшіе никогда коряковъ, при раз-
спросахъ обыкновенно называютъ таньнговъ чуваницами, нерѣдко прямо по русски. Но не-
многочисленный чувавскій народецъ, сколько можно судить, не игралъ особенно видной
роли въ борьбѣ, между тѣмъ какъ столкновенія между чукчами и кораками на грани-
цахъ территории не прекращались почти никогда до сравнительно недавнаго времени.

²⁾ Люди, наխоніє звіго пасивій, з'ясівительно маю ходить шінкомъ.

²⁾ Задежь старого сына.

При подъеме солица один из них пробудился, вскочил:—«Где же другая? О, диво! ¹⁾ Мы не замечали! Кажется ушла!» Та как будто не слышать, спать. Проснулся и другой. Разбудили и ее. А она все еще спящая. Притворяется. На конец словно пробудилась.—Где, где другая?—Да она вдруг тут заснула!.. Всю вы разом спали! Где ее дала?...—Да вдруг вы мужчины! Разве вы утомились от ходьбы? Я же и ходить то не могла!.. Вы отчего же так крепко заснули?.. Молчать коряки. Одна говорить:—«Должно быть она ушла домой, вернулась к братьям! Бросим ее! Не нужно! Покрайней мере хотят эта!» Другой говорить (который остался без женщины). «Вотъ вотъ, въ этомъ снѣгу! Посмотримъ!» Сердце встрепенулось у сестры. Говорить, въ утробѣ своей: «О, должно быть убить!»—«Пойдемъ, посмотримъ въ заросли!.. направились къ заросли. Дѣвушка сестра послѣдовала за ними. Тайно плачетъ дѣвушка сзади во время пути.—«О, должно быть убить! Подошли къ окраинѣ сказы, къ снѣжной заросли близко. Отъ солнечной теплоты обтаяла снаружи, покрылась дырями поверхность заросли.—Это что за дыря?—говорить другой корякъ, ткнулъ копьемъ внутрь, разъ, другой; чуть не колеть спрятанную, а она каждый разъ увертывается, едва избавляется отъ удара. Снова и снова колеть, наконецъ колнула таки въ ягодицу. Дѣвушка закусила губу да крови, припала грудью къ землѣ, вкапывается въ землю ногтями, какъ лисица. Подруга сидитъ поодаль, глядитъ на ихъ дѣйствія, тайно плачетъ. Замѣтили, говорить:—Га! зачѣмъ ты плачешь?—Она отвѣчаетъ: «Ко!» ²⁾—Да, да! она тутъ! Почему эта плачетъ? Конечно тутъ спряталась!—«Лжецъ! говорить дѣвушка.—Или ты самъ ее туда спряталъ?.. Чѣмъ же сдѣлаемъ мы отверстіе во льду? Развѣ ногтями? Или ты видѣлъ вчера у насъ ножи?»—О чѣмъ жеты плачешь? Скажи!—«Нѣть! Примкнуть къ твоей семье мнѣ тоска, оттого я и плачу, въ твоемъ народу быть безсловесной при чужомъ языке, для меня большая скука, ибо вѣдь въ первый разъ вижу я теперь твой народъ. Кромѣ того вчера я почти не могла идти. Вы меня принуждали идти. О томъ вспоминая, плачу. Да и думала я, что буду вмѣстѣ съ сестрой, на лицо подруги своей смотрѣть стану. Теперь осталась совсѣмъ одна. О томъ размышляя, плачу!» Другая слушаетъ въ тайномъ убѣжищѣ. Говорить между собою коряки: «Должно быть правда! Той нѣтъ здѣсь! Мы вѣдь копьемъ кололи... Ничего! Вѣроятно она давно скрылась, уѣжала домой! Уйдемъ! Зачѣмъ намъ медлить?». Ушли, ее покинули. Старшая говорить: «Я не пойду теперь впереди!» Идетъ сзади по ихъ слѣдамъ.

Стало солнце спускаться съ полудня, спрятанная не можетъ ждать больше. Говорить «навѣрное они уже ушли далеко!» Выползла изъ снѣга, направилась въ обратный путь! Хромая, вся въ крови! Дважды почевала безъ крова. Домой пришла, Элѣнди нѣть дома, ходить по землѣ, ищетъ. Остальные братья стали ее обнимать и цѣловать «Где сестра?..» Молчать. Не показала раны. Пришелъ и младшій братъ: «Пришли ли сестры?» Какъ увидѣлъ, такъ и схватилъ сестру, цѣлуетъ ее, ласкаетъ, насытиться не можетъ. Потомъ говорить:—где же подруга?» Только ему сказала.—«Увели ее! Предъ уходомъ говорила: «Меня любящій пусть за мной придетъ!» У младшаго брата нѣть сна: «Где же моя сестра». Раненая говорить въ своей утробѣ:—«Пусть развѣ завтра скажу! Теперь ему испорчу душу! Пусть поспитъ хоть эту ночь! Но у Элѣнди нѣть сна. Пробудилась дѣвушка поздно. Пробудившись, говорить младшему брату. «Я стыжусь сказать, но не могу ходить!» Говорить: Почему же стыдишься? Развѣ я тебѣ даль причину бояться меня? Или говоришь себѣ: «Если стану говорить, то слушать не станетъ? Почему же стыдишься?...» Тогда показала рану, дыру въ платьѣ! «Вотъ!» говорить—это! Увидѣвъ, Элѣнди только ахнула:—«О зачѣмъ же женщину ранили? Если

¹⁾ Тытэнгэт—о диво! Обычное чукотское восклицание, означающее удивление. Чукотский языкъ вообще очень богатъ междометіями и различными формами восклицаній, некоторую часть которыхъ я предпочелъ сохранить въ текстѣ. При переводе различныхъ техническихъ терминовъ и бытовыхъ выражений я старался пользоваться определеніями местного русского нарѣчія, часто чрезвычайно мѣткими. Всѣ они напечатаны на разрядку.

²⁾ Междометіе незнанія.

бы былъ мужчина, пожалуй! Женщину ранить постыдно!» Говорить Элёнди товарищамъ: «Ну, собирайтесь, пойдемъ! Погонимъ по ихъ слѣду!» Другие отвѣчаютъ:—«Стало поздно! Переждемъ ночь!»—Нѣть, пѣть, пойдемъ! Я не могу спать! Худо! Какъ только увидѣль рану сестры, спать я не могу! Я вѣдь мужчина! Пусть же я пойду на бой! Тѣ почуютъ, не хотятъ идти. Не спить Элёнди, ходить взадъ и впередъ по окрестностямъ. До разсвѣта разбудивъ товарищѣй, говорить: «Пойдемъ, пойдемъ! Вы причина замедленія! Если еще будете спать, я уйду одинъ! Говорю вамъ:—зову васъ на битву съ чужимъ народомъ! Пришелъ въ мое сердце великой гибель! При вашей помощи буду сидеть!» Наконецъ отправились, взявъ съ собой запасъ.

Пять разъ почевали по дорогѣ, достигли. Шли, гоня дорогу сестеръ. По прежнему не спить младшій братъ. На пятомъ почдѣ не смыкаетъ очей. Было по первой заморози¹⁾. Достигли. Огромная скала. Обошли кругомъ. Со всѣхъ сторонъ ручьи сбѣгаютъ круто внизъ. По руслу одного взобрались на вершину для разведокъ. Перевалили на другую сторону, посмотрѣли. Большое стадо ходить взадъ и впередъ, собираясь въ груду изъ боязни овода²⁾; олени коряцкіе³⁾. Посмотрѣли снова. Немного подальше много жилищъ, селеніе. Передній бычачеогромный⁴⁾ шатерь, громадное жилище, стоять впереди всѣхъ. Говорить Элёнди.—О! наша сестра въ томъ переднемъ жилищѣ!—Эшь! Должно быть такъ!» Говорятъ старшіе братья: «Какъ же будемъ?»—«Спустимся внизъ и пойдемъ возлѣ подошвы! Подойдемъ поближе!» А и такъ близко. Голоса хорошо слышатся.—«У подошвы пониже есть большое озеро. Туда пойдемъ. Жилища за озеромъ; черезъ озеро хорошо разсмотримъ!» Пошли, достигли. Элёнди говорить:—«Попробуемъ позвать сестру!» Настала ночь. Элёнди говорить: «Запасы наши издержаны. Но теперь поздно. Дождемся зари, не ѿшли. Утромъ позовемъ сестру! Ибо придетъ! Пойметъ зовъ и придетъ къ намъ».

Когда пришла, заря, сестра откинула дверь въ переднемъ домѣ⁵⁾. Элёнди проглядалъ: «Йоо-окъ! Йоо-окъ!», какъ тагара. Услышала, тайно заплакала. Ея мужъ изъ передняго жилища, эрмэчэн⁶⁾. Говорить коряцкій эрмэчэн: «Что тамъ за птицы кричатъ? Откуда зовутъ?» Жена отвѣчаетъ: «Нѣть! Съ моей родной земли птички тамъ кричатъ, кличутъ съ озера!» Потомъ говорить мужу:—«Пойду, посмотрю я! Узнаю, что это за птицы?—«Тебѣ что нужно? Зачѣмъ?»—«Отчего же такъ близко меня непускаешь? Съ чужимъ народомъ жить-и безъ того соскучилась. Развѣ не могу выйти скучу развѣять? держишь меня все время въ пологу⁷⁾!»—«Правда! говорить мужъ.—

¹⁾ Чукотская осень дѣлится на три части: нгэрѣрэк, тураэтэк и собственно нытнак, которымъ соответствуютъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи выраженія: по заморози, по первой порошѣ и собственно осенью. По заморози—начало Сентября.

²⁾ Олений оводъ является истиннымъ бичемъ чукотскихъ стадъ. Появленіе даже небольшого количества оленыхъ оводовъ приводитъ оленей въ первое состояніе, разрѣшающееся беспокойнымъ перебѣганіемъ съ мѣста на мѣсто, или прямо бѣгствомъ на встречу дуновенію вѣтра, отгоняющему насѣкомыхъ.

³⁾ Коряцкіе олени меныше и чернѣе чукотскихъ.

⁴⁾ Бычачеогромный. Эпитетъ созданъ по сравненію съ оленемъ стадомъ, въ которомъ самое видное мѣсто занимаетъ старый быкъ, возвышающейся надъ мелкими важенками и молодыми бычками своей огромной головой, украшенной широкими развесистыми рогами. Шатерь наиболѣе вліятельнаго человѣка на стойбищѣ всегда стоитъ впереди всѣхъ и владѣлецъ его зовется аттораын «переднедомный».

⁵⁾ Чукотскій шатерь почти всегда называется просто домъ, жилище.

⁶⁾ Эрмэчэн собственно сильнѣйшій. Такжѣ воинъ, витязь; далѣе начальникъ, правитель. Такжѣ въ порицательномъ значеніи насильникъ, обидчикъ и даже трактитель. Всѣ эти понятія тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, какъ это будетъ видно въ другихъ мѣстахъ сказанія.

⁷⁾ Йоронги на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи пологъ. Внутренній мѣховой шатерь для ъды и сна въ видѣ глухого четыреугольнаго ящика.

Зачѣмъ ставу тебя такъ держать? Пойди, погмотри! Она нарѣзала пять сушеныхъ бековъ¹⁾ и взяла съ собою.

— «Это зачѣмъ?» говорить мужъ: «Нѣты! Пойду по землѣ, быть можетъ, гордо захочетъ!» Ушла женщина изъ дома, встала на берегу озера и заплакала — «Гдѣ же они?» говорить: «Гоо-дк! Гоо-дк!» изъ-за озера. Тамъ, за озеромъ, въ ложбинѣ! Пришла туда. Схватилъ ее Элѣнди, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, носить на рукахъ, какъ ребенка. Другіе братья нескользко, ибо они злонравны. Сѣѣли принесенное. Говорить младшій братъ: «При стадѣ сколько (пастуховъ)?» — Четыре! Но вы зачѣмъ пришли? Вѣдь васъ убиваютъ! — Пусть! пусть! Развѣ мы для жизни пришли? Пришли для смерти? — «Весьма сильный взялъ меня въ жены!» — «Все равно!» Говорить сестрѣ Элѣнди: «Теперь вернись домой, но ёды дома не ъши, не ъвши, ложись спать! Будеть мужъ приглашать тебя, не слушайся. На утро пробудишься, станутъ тебя приглашать къ ёдѣ, ты не повинуясь имъ!» Такъ наказываетъ Элѣнди сестрѣ. — Когда же въ третій разъ станутъ ъсть, и станетъ мужъ приставать къ тебѣ, ударъ его по лицу рукой, скажи: «Надѣдливый ты! Почему пристаешь съ ёдой!» Ударъ его рукою по лицу, скажи: «Зачѣмъ ты надоѣдаешь мнѣ? Когда я жила у братьевъ, они меня кормили морскимъ мясомъ, тюлевымъ жиромъ. Вѣчной своей олениной зачѣмъ мнѣ надоѣдаешь?...»²⁾.

Такъ сказала, ударила мужа по лицу. Вскочилъ ёрмѣчэнъ. — «Хорошо! говорить — достану тебѣ иной ёды!» Вскочилъ на ноги коряцкій ёрмѣчэнъ — «Сейчасъ, говорить, отправлюсь!» Привель сосѣдей³⁾. Приходятъ сосѣдніе люди, собираются вмѣстѣ. Когда собрались, говорить: пойдемъ! — Куда? — На моѣ: — Э нѣй! А олены пастухи? — Пусть ихъ! — Зачѣмъ же на море? — Метать сѣти! —⁴⁾ Ушелъ весь народъ. Когда ушли они, она запасную обувь вскинула на плечи, пошла къ братьямъ. Говорить между собой: «Теперь пойдемъ къ стаду!» Въ пятеромъ отправились къ стаду, женщина шестая. Говорить Элѣнди братьямъ. «Вы идите впередъ, я павѣщу стадо, васъ скоро догоню!» Настала ночь. Навѣстиль стадо; всѣхъ пастуховъ, людышекъ, перебилъ. Угналъ оленей, только стукъ несется отъ роговъ. Движется стадо, онъ гонить его со всѣхъ сторонъ одновременно, огромное стадо бѣжитъ впередъ, какъ небольшая кучка⁵⁾. Скоро догналъ братьевъ. У бывшихъ при оленяхъ людей унесъ котель. На каждомъ начагѣ

¹⁾ нетѣнъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи бокъ или пѣлстень. Задняя часть мяса, снятая безъ кости, обыкновенно покрытая телстымъ слоемъ жира.

²⁾ Это характерное мѣсто въ одно и то же время выпукло изображаетъ вѣкото- рую первобытную равномѣрность половъ въ чукотской семье, уживающуюся рядомъ съ тиранній сильного надъ слабымъ, т. е. мужчины надъ женщиной, а также оттѣняетъ противоположность между оленными коряками, исконными оленеводами и полуимпер- скимъ бытомъ чукотского племени, размежевавшаго свои оленины стада сравнительно въ недавнее время.

³⁾ Нымтѣмы и товарищъ на жительствѣ, сосѣдъ. Бѣдные члены племени обы- кновенно ставятъ свои шатры рядомъ съ шатромъ богатаго соплеменника, отъ промысла или стада котораго они отчасти питаются, вступая за то къ нему въ извѣстнаго рода вассальный отношенія. Такія вассальные отношенія, иногда переходящія отъ поколѣнія къ поколѣнію, всетаки не приобрѣтаютъ никакой прочности и разрушаются сплошь и рядомъ по первому подвернувшемуся поводу. У оленныхъ чукочъ, при сильномъ раз- витіи индивидуализма и размежевеніи стадъ, они почти совсѣмъ исчезли.

⁴⁾ Чукчи и русскіе промышляютъ тюленей болѣею частью сѣтями, заметывалъ ихъ подо льдомъ въ проруби, пробитыя самими же тюленями для дыханія.

⁵⁾ Чукотское стадо чрезвычайно непослушно и всегда стремится разбрестись въ разныя стороны. Разумѣется, чѣмъ оно менѣе, тѣмъ легче съ нимъ справляться для пастуха и погонщика и тѣмъ быстрѣе оно подвигается впередъ при переходахъ съ мѣста на мѣсто. Поэтому высшая похвала погонщику сказать, что онъ гонить стадо въ одно время со всѣхъ сторонъ, и что многочисленное стадо бѣжитъ предъ нимъ впередъ также быстро, какъ небольшая кучка.

убивают быка, всего варят и съедают, также и кровь (съедают), только моялло¹) выбрасывают воин. Через десять дней пришли домой, гоня съ собой стадо. Пригнал Элэнди чужое стадо, привезъ и сестру домой, пребывает при оленяхъ, бѣгаеть вокругъ стада такъ быстро, словно летаетъ, машетъ кошемъ, упражняется въ боевомъ искусствѣ.

Коряки ночевали на морѣ 20 ночей, убили только рыбу²), тюленей не добыли, стали возвращаться, ночевали на пути 20 ночей, пришли домой, тамъ страшный голодъ. Оставшиеся въ жилищахъ сушатъ обрывки шкуръ и ёдятъ ихъ, совершенно изсохли отъ истощенія. Пришелъ эрмэчэн въ свое жилище; дверь закрыта. Посмотрѣль внутри, никого нѣтъ. Пошелъ къ сосѣдямъ. «Гдѣ же женщина?»—Не знаемъ! Она исчезла еще при вашемъ уходѣ. Должно быть ушла къ оленямъ!»—«А гдѣ олени?»—«Не знаемъ! вѣстей нѣтъ! Ушли далеко! Мы совсѣмъ изсохли!»—Ну что жъ? Пойште! Мы отдохнемъ!» Два дня спали, отдыхали. На третью утро пошли къ стаду. Эрмэчэн ждетъ дома. Увидѣли убитыхъ людей (лежащихъ), словно олени трупы. Вернулись домой посланные. Говорятъ эрмэчэну: «Стада нѣтъ! Только людей нашли! Всѣ они перебиты!» Тогда только понялъ, что за птички кликали съ озера.—«Скорѣе погонимъ по слѣду!» Ушли всѣ мужчины. Когда были въ пуги, окончилась течка дикихъ оленей, приведя вслѣдъ за собой обычную вынгу³). Поднялся большой вѣтеръ и мятель, ничего не видно впереди. Остановились, издержали запасы. Непогода не прекращается. Иззябли и высохли, совершенно изнемогли, потомъ умерла. Оставшиеся въ домахъ тоже изсохли.

Прогналъ Элэнди другихъ братьевъ, живетъ одинъ и сестры съ нимъ. Откочевалъ въ другую сторону, ибо братья ходили его убить. Бѣжалъ, спасаясь. Былъ по прежнему холостъ. Взялъ двѣ жены, сестеръ отдалъ въ замѣну⁴). Жены родили ему по одному сыну. Выросли сыновья, стали ходить у стада. Откочевалъ на лѣтовые къ морскому берегу⁵). Весьма богатъ сталъ Элэнди, стадо его размножилось и разжирѣло; сдѣлался эрмэчэномъ, пересталъ бѣгать⁶).

II.

Въ концѣ весны покочевалъ на лѣтнее стойбище. Говорить Элэнди первой женѣ:—«Не станемъ дневать, станемъ торопясь, кочевать; только на ночлегѣ останавливаясь,

¹) Рілкѣріл — на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи моялло. Полупереваренное содержаніе большого желудка, употребляемое въ пищу чукчами и тунгусами, хотя и не особенно охотно, вопреки рассказамъ путешественниковъ о пристрастіи чукчъ къ такого рода растительной пищѣ.

²) Всевозможные виды промысла (рыбный, пушной, тюленій) опредѣляются словомъ убить: наимеен.

³) По чукотскому повѣрю, до окончанія течки дикихъ оленей (въ Октябрѣ) является сильная вынга, по мілованіи которой олени самцы совершенно теряютъ влечение къ самкамъ.

⁴) Мѣна женщинами — одинъ изъ обычныхъ видовъ чукотского брака. Иногда семья, принимающая къ себѣ чужую девушку, не имѣя ни одной свободной женщины, остается въ дому и исполняетъ обязательство много лѣть спустя.

⁵) Эрмэчэну, отъ стада которого кормятся бѣдныесосѣди, конечно, мало приходится самому бѣгать и суетиться у стада.

⁶) Большая часть чукчъ, оберегая свои стада отъ насѣкомыхъ, уходитъ на лѣтовые къ берегу океана и напротивъ, съ наступленіемъ суровыхъ зимнихъ холодовъ возвращается къ лѣсной границѣ.

станемъ свершать путь, чтобы рѣки не вскрылись и не задержали насъ!»¹⁾ Идти въ морю, торопится. Пришли на лѣтніе къ хорсному берегу. Остановились на ведишикѣ живицѣ²⁾). При первой дневкѣ говорить Элѣнди женѣ:—«Хочу изъ-за моря привезти себѣ въ рабы Айвана³⁾ эрмачзана. Запрягайте оленей, двѣ мѣховыя рубахи набейте ихомъ! Тороплюсьѣхатъ!» Первая жена говорить:—«О не привезешь, ибо она вѣсна сведенъ. Всѣхъ сестрѣй наполняетъ ъздой, его жилища наполнены нищѣй, одинъ прокарливаетъ всѣхъ вымѣтѣнновъ⁴⁾). Ни за что! Она слишкомъ могучь! Не привезешь!»—«Отлично привезу!»—«Вѣрою хочешь тамъ кости оставить!»—«Нѣть, нѣть! Я вернусь назадъ! Скорѣе набейте ихомъ одежду, запрягайте оленей! Я уѣду!» Увезъ съ собой двѣ запряжки, взялъ нарту съ рѣшетчатой грядкой⁵⁾ положилъ туда одежду, набитую ихомъ и дорожный запасъ. Уѣхалъ вмѣстѣ со второй женой. Когда уѣхали, лѣтнія вода еще не пришла на море. Вышли на открытое море, средина моря изломана. Вода свободна отъ льда. Остановились на закраинѣ. Вынули одежду съ ихомъ, вытрясли мохъ изъ одной на ледъ, поставили оленей, сами закусили, легли спать. Олени пѣли мху, немного осталось. Спустя немногого времени, доѣли остатокъ, пріобрѣли прежнюю силу. Чуть-чуть поспали, пробудились. Очертить Элѣнди кругъ на льду своими узкими подозьями, разогналъ оленей; какъ птицы перенеслись черезъ открытое море, очутились на льду съ другой стороны. Покинули тутъ вторую одежду со ихомъ, помчались впередъ. Солнце восходило, когда отправились въ путь. Мчатся олени, не ослабляя быстроты, какъ на быстромъ бѣгу. Стало спускаться солнце, показалась земля за моремъ. Какъ разъ съ заходомъ солница достигли земли, вышли на берегъ. Большое седеніе. Дошли до задняго жилища⁶⁾, отпустили оленей, ибо тамъ мху очень много. Всѣ жилища очень малы, но переднее жилище огромно; жилище Айвана Эрмачзана; наружный шатерь изъ моржовой кожи. Въ заднее жилище⁷⁾ вошли. У хозяевъ нѣть ни кусочка мяса.—«Чѣмъ же вѣсъ кормить станемъ? У насъ ъды нѣть. Пройдите лучше къ Айвану Эрмачзану!»—«Нѣть, тутъ соснемъ и отдохнемъ! Принеси запасъ изъ саней!» говорить Элѣнди женѣ.—«Тутъ будемъ спать! По пробужденіи навѣстимъ Эрмачзана!» Принесла изъ саней два оленьихъ бока⁸⁾. Поѣви заснули. Проснувшись, говорить Элѣнди хозяевамъ: «Ну, пойдемъ, пойдемъ!» Мимо кого проходятъ, всѣ присоединяются сзади. Стали, какъ кочевой поѣздъ. Элѣнди идетъ впереди. Женщина ведеть (свиту). Вшли въ шатерь. Сидѣть Эрмачзанъ, поджавъ ноги, щупаетъ бабъ. Огромный великанъ.—Ка-ка! гости-и-и!»⁹⁾—«ЛІ!»¹⁰⁾ «Ого! Торопитесь варить, бабы-ы-ы!» Сидѣть

¹⁾ Чукчи уходятъ на лѣтніе обыкновенно очень поздно и нерѣдко почуютъ до послѣдней возможности по черной землѣ и полой водѣ, стремясь достичь лѣтней стоянки.

²⁾ Лѣтніе жилище недвижно, потому что чукчи почти совершенно незнакомы съ верховой и вьючной ъздой на оленахъ, лѣтомъ лишены средствъ передвиженія.

³⁾ См. выше предисловіе.

⁴⁾ См. выше З. Стр. 354.

⁵⁾ Чукотская упряжка состоять изъ двухъ оленей. На одномъ оленѣ ъздить только въ исключительныхъ случаяхъ. З-хъ оленей никогда не запрягаютъ. Нарта съ рѣшетчатой грядкой—на рѣтѣтъ заимствована чукчами у коряковъ и употребляется для храненія разныхъ мелкихъ предметовъ, напр., посуды. Возить кладь на такой нартѣ считается щеголеватостью и признакомъ благосостоянія.

⁶⁾ При продолжительныхъ зимнихъ поѣздахъ по ледянымъ полямъ океана или по мѣстности бѣдной моховицами, приходится возить съ собой запасъ мху, набитый въ широкую мѣховую одежду.

⁷⁾ Жилище самого бѣднаго или незначительного человѣка, работника, или раба ставится сзади всѣхъ другихъ.

⁸⁾ Бока см. выше прим. 1. Стр. 354.

⁹⁾ Ка-ка выражаетъ изумленіе. Голосъ Айвана изображается грубымъ, басистымъ и сильно растягивающимъ послѣдний слогъ. Вообще разговоры ведутся разными голосами съ звукомъ стремлѣнія придать разсказу больше драматической характеръ:

¹⁰⁾ ІІ—междометіе утвержденія—Да.

нагой, тело толстое, кости широкие. Сидит Элениди, осматривает хозяина вокруг. На спине ложбина, как сухой ручей, на груди, как речное русло. Везде мясо, шея горы. Думает Элениди самъ съ собой: — «О! Увезу ли я его? Или не увезу совсѣмъ?» Говорить въ утробѣ своей: — «О, что такое я затѣяла?» Отвергаетъ, говоритъ: «не нужно!», потому снова говоритъ себѣ: «Нѣть, отчего же? Пожалуй, можно? Кто знаетъ?». Подали ёду, сосѣди хотятъ взять по куску, они ихъ колотить по рукамъ: «Пусть гости сперва! Вы пото-о-омъ!» Выскочилъ изъ. Горло хочетъ, но смотрѣть только глазами. Что имъ дѣлать? Грѣхъ предъ божествомъ¹). Говорить гость сосѣдямъ: «Ну, ну, берите!» Просовыаютъ руки подъ руки гостей и хватаютъ куски. Тѣхъ не бѣть, кто же со стороны пытается схватить, того колотить по рукамъ. На особое корыто накрошилъ китового мяса, есть одинъ, другимъ не даетъ. Снова говорить гость: «Всѣ, всѣ ѿште!» Ударилъ гость Айванъ: «Ты зачѣмъ распоряжаешься? Я эрмэчэнъ!» Гость схватилъ свой поясъ, лежавшій подъ, съ размаха хлестнуль по нагому телу. Онухло и покраснѣло. Вздулась полоса отъ удара. Жена Айвана, какъ держала пальцы во рту, такъ и застыла, вытаращивъ глаза. Въ первый разъ видѣла, чтобы его кто-либо ударилъ. Говорить Элениди женѣ: — «вари ёду. Пріятели еще не насытились!» Айванъ сидѣть, понуривъ голову, жена Айвана стоять, закусивъ пальцы, а жена гостя непрерывно варить ёду. Въ чужомъ домѣ распоряжается, какъ въ своемъ. Говорить Айванъ-Эрмэчэнъ самъ съ собой: — «Ужо, ужо! Немного негодимъ! Кто знаетъ, что можетъ выйти?» Потомъ говорить громко: «Это должно быть и есть чукотскій вѣтизъ (эрмэчэнъ), Элениди стадс-отниматель!» — «Нѣть!» говоритъ Элениди. — «Не я, а ты насильникъ (эрмэчэнъ)!². Ты наказываешь своихъ сосѣдей. Есть при тебѣ не смеются. Куски изо рта вырываешь! Именно ты и есть отниматель! Я своихъ сосѣдей кормлю, самъ съѣмъ кусокъ, имъ отдамъ другой. Только ты и есть насильникъ!» Всѣ людишки наѣлись. Не переставая варить ёду, крошить моржовый жиръ и китовое мясо. А въ жилищѣ Айвана запасовъ много. Вверху виситъ на ремняхъ всякая мяса. Тюлены туши, полосы китовой кожи, моржовые ребра, рыба. Пониже на одной сторонѣ шкуры лахтаковъ³), на другой — свитки ремней, на третьей — связки чемодановъ⁴). Всѣ сидѣть молча. Айванъ размышляетъ. Спустя немного спрашиваетъ гостя: «Что же ты? Развѣ безъ всякой цѣли сюда прѣхалъ. Торгуй!» — «Двадцать лахтачныхъ шкуръ достань, двадцать свитковъ благо и чернаго ремня⁵), двадцать тюленыхъ чемодановъ, всего, что есть у тебя по двадцати!» — «Что же привезли на обмѣнъ?» — «Ничего». — «Даромъ не дамъ!» — «Самъ возьму! Еще скажу: вдобавокъ и тебя увезу къ себѣ!» — «Прѣжде убьешь развѣ!» — «Что же? пожалуй и убью тебя! Развѣ кто-нибудь жалѣть станетъ!» Айванъ Эрмэчэнъ надѣваетъ обувь, только сопить отъ гиѣва. Быстро, проворно вышелъ Айванъ наружу и гость вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ сосѣди выскочили сзади. Теперь только впервые эти людишки наѣлись до-сыта. Въ первый разъ схватилъ Айванъ Элениди⁶). Тотъ выскольз-

¹) Между чукчами считается великой обидой и неблаговоспитанностью не пригласить кого-нибудь изъ присутствующихъ къ участію въ трапезѣ. Во всемъ этомъ эпизоде, ярко высказывается непосредственное демократическое чувство, присущее первоначальному сознанию чукотского племени, также выражаются этическія понятія, возникшія на почвѣ отношеній между эрмэчѣномъ и его вымѣтумынами.

²) Игра словъ, основанная на различныхъ значеніяхъ слова эрмэчэн. См. выше прим. 6 стр. 353.

³ ⁴) ў и э л по-русски лахтакъ (phoca barbata). Кожа его идетъ на подошвы, ремни, оленью и собачью сбрую. Тѣ и ў ѡ ны на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи чемоданъ. Шкура небольшого тюленя, снятая цѣликомъ и замѣняющая дорожный мѣшокъ.

⁵) Ремни кроются изъ моржовой или лахтачной шкуры. Черный ремень (на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи чернолысовыи ремень) — лахтачный ремень, вычерченный пепломъ съ примѣсью тюленыаго жира.

⁶) По правиламъ чукотской борьбы, борцы по очереди бросаются другъ на друга, причемъ другой противникъ играетъ пассивную роль.

нуль у него изъ рукъ, какъ рыба. Весьма скользокъ, схватить его нельзя! Вокругъ стоять сосѣди съ женами и смотрять на бой. Наконецъ схватилъ морской оленяного и швырнуль его на отмашь. Тотъ пролетѣлъ по воздуху и падая, сталь на ноги. «Нычъ! ¹⁾ погнался, бросился на него, пнулъ его ногой. Эленди подскочилъ кверху, увернулся отъ удара; Айванъ покатился, отлетѣлъ далеко, какъ мячъ. — «О, не могу я!» говорить — «Теперь ты! Попробуй схватить меня!» Всталъ Айванъ на мѣстѣ. Чукотскій витязь схватилъ его. Хочеть его сдвинуть съ мѣста, тотъ неподвиженъ, какъ дерево. Наконецъ схватилъ его за руку, дернуль полной силой, пошатнулся Айванъ. Еще разъ дернуль, обкружилъ его вокругъ себя, поволокъ за собой, сталь волочить вокругъ да вокругъ, закружила совсѣмъ, тогда пнулъ ногой, тотъ покатился въ сторону. Еще катящагося дрогнулъ и снова пнулъ. Отлетѣлъ еще дальше, какъ мячъ. Снова дрогнулъ и придавилъ къ землѣ. Бьется, баражается Айванъ, силится высвободиться, не можетъ. Сильно придавилъ его. Усталъ, утомился Айванъ, пересталъ биться. Говорить Эленди сидящимъ на землѣ между смотрящими: — «Вонъ, вонъ, это дерево подайте!» — «Нѣть, нѣть, нѣть! Не давайте! Къ чему? Что хочетъ дѣлать? Встань, встань! Пусти, пусти!» — «Ну, ну, подайте! Отчего ты одинъ привыкъ повелѣвать?» Развѣ не подадутъ сосѣди, если все обижены Айваномъ? Смотрѣть всѣ, закусивъ губу, радуются, говорятъ: «вотъ такъ диво!» Подали ему толстую дубину. Ударилъ его дубиной по рукѣ, разъ, другой, не можетъ изломать кости, такъ крѣпка. Тогда всего избилъ дубиной по мягкимъ мѣстамъ. Гдѣ только было мясо, все истолокъ. Окончивъ битье, говорить: «Рай, рай! ²⁾). Гдѣ его платье? Принесите!» Принесли одежду, онъ его обернуль одеждой. — «Самый плотный ремень изъ хранящихся въ жилищѣ принесите». Принесли новый моржовый ремень, толстый и плотный. — «Теперь подайте вонъ ту жердь!» Принесли толстую жердь. Привязалъ Айвана къ жерди ремнемъ, обвязалъ всего. Концы жерди обрубилъ. Пока онъ еще вяжетъ, старшая жена Айвана выскочила изъ шатра, кинулась на него съ крикомъ. Ударилъ ее дубиной по головѣ, убилъ передъ глазами мужа: «Почему ты тайно отъ мужа не кормила сосѣдей? Почему украдкой не давала людышкамъ ёду?» ³⁾ Окончивъ связываніе, говорить сосѣдямъ: — «Ну, у кого есть обида!...» Всѣ встали, стали подходить, каждый его пинаетъ ногой, ибо у всѣхъ гиѣвъ (даже у мыши есть гиѣвъ!). Тогда говорить Эленди. — «Га-га-га, помогайте снаряжаться. Вотъ, это жилище возьмите себѣ, все богатство—ваше! Но прежде заказанное принесите сюда!» Принесли по двадцати отъ ремней и отъ кожъ. Всѣ двадцать лахтаковъ взвалиль на плечи, понесъ къ нартамъ, другие люди понесли ремни. Пришли. Нарту съ рѣшетчатой грѣдкой нагрузили лахтаками. Сверху положили ремни. Потомъ положили въ полустоячемъ положеніи Айвана Эрмѣчзина, привязанного къ дереву, увязали его ремнями. Кто только помогаетъ привязывать, такъ и хлещетъ его по лицу. Онъ молчитъ. Снарядились и отправились. Ночью прискакали на закраину льда, тутъ ночевали. Утромъ Эленди, разогнавъ оленей, перескочилъ черезъ открытое море. Поѣхали дальше. По дорогѣ кормятъ и поять его изъ собственныхъ рукъ. Онъ вепрерывно вопить: «Жажду!» Иногда напоять водой изъ лужицы на льду, иногда и нѣть. Прискакали домой, вышли на берегъ, развязали Айвана. Ходить шатаясь, почти падаетъ. На утро говорить хозяинъ: «Ну теперь иди къ оленямъ!» Волей неволей пошелъ къ оленямъ. Бѣгасть стадо взадъ впередъ. Айванъ совершенно неподвиженъ, пребываетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ комарное время пасется плохо стадо, сидѣть постоянно въ водѣ, совершенно изсохло ⁴⁾. При стадѣ мальчики, дѣти

¹⁾ Междомѣтіе изумленія.

²⁾ Тамъ, тамъ!

³⁾ Если Эрмѣчзинъ скучъ и худо кормить своихъ работниковъ или сосѣдей, на жену его падаетъ, такъ сказать, нравственная обязанность тайно снабжать пищей полуолодныхъ настуховъ и промышленниковъ. Большая часть хозяекъ неукоснительно соблюдаетъ этотъ долгъ.

⁴⁾ Въ лѣтнее время требуется большая бдительность и усердіе при наблюденіи за стадомъ для того чтобы оно наслось, какъ слѣдуетъ, подъ вѣчнымъ преслѣдованіемъ лѣгіона крылатыхъ враговъ. Предоставленное самому себѣ стадо, то забирается въ воду,

хозяина, ихъ непрерывно колотить. Говорить имъ. — «Принесите котель изъ дома, приносите котомки для лѣта, будемъ убивать на ёду! Пошли мальчики домой за котомъ и котомками¹⁾. Говорятъ: «Мы унесемъ котель, будемъ убивать на ёду!» — «Хорошо, говорить отецъ—вотъ обрывокъ рэттэма²⁾! Унесите и его!» Пришли къ стаду, сдѣлали изъ рэттэма шалашъ. Айванъ непрерывно спить въ шалашѣ, стадо не пасетъ, пастушковъ постоянно колотятъ. Пробудился, пришелъ къ оленямъ. — «Погонимъ стадо къ шалашу! Убьемъ оленей на ёду-у-у!» Убили теленка и молодую воженку. — «Отнесите домашнимъ одну тушу! Тухлое мясо вѣрю имъ надѣло-о-о!» Старшій унесъ телячью тушу. Отецъ сидитъ у входа въ шатерь, мастерить что то. — «Ка ка! говорить—вы убивали оленей?.. Ну ка, скорѣе разбейте тушу! Поехимъ свѣжаго!»

Во время ёды отецъ не можетъ єсть. Мясо теленка слишкомъ сухое. — Что за мясо? говорить.—Олени значить не жирѣютъ!» — Какъ же будутъ жирѣть? отвѣчаетъ сынишка. — Айванъ Эрмѣченъ очень злонравенъ. Зачѣмъ только привезли такого? За стадомъ не смотрить, насть постоянно бѣть, всегда спить въ шалашѣ. Отецъ говорить «Завтра вмѣстѣ пойду къ оленямъ!» Отрѣзаль кусокъ ремня отъ недавнихъ связей Айвава; вмѣсто ручки привязаль кусокъ палки, толстый кнутъ спряталъ за пазуху. Ушли въ стадо вмѣстѣ съ сыномъ. Такъ и держать руки за пазухой. Пришли, заглянули въ шалашѣ. По прежнему спить Айванъ, совершенно нагой. Говорить сыну: — «Стой, стой! Потише!». Прокрался въ шалашъ безъ шума, схватилъ за руку, выволокъ на дворъ. Тотъ не бѣется, не противится, повѣсилъ голову, словно мертвый. Сталь его колотить нагого кнутомъ, онъ даже не крикнулъ ни разу. — «Зачѣмъ за оленями не смотришь ты? Зачѣмъ лѣнишься?» Пока колотиль, пригнали стадо. Швырнуль въ сторону, говорить сыну: «Пойдемъ въ стадо! Ходять по стаду—«huk! Слишкомъ сухи олени! что за диво³⁾ этотъ Айванъ!» Айванъ всталъ, вошелъ въ шалашъ. Говорить Элѣнди дѣтамъ: «Если по прежнему будетъ Айванъ Эрмѣченъ поступать, извѣстите меня!» Только скрылся хозяинъ, Айванъ вышелъ изъ шалаша, пошелъ къ стаду. Пуще прежняго колотить ребяты, смотрѣть за стадомъ не хочетъ. Вновь говорить пастушкамъ: «Давно протухло мясо дома; нужно убить оленей, отнести домой на ёду!» Снова убили воженку и теленка. Снова старшій мальчикъ понесъ домой телячью тушу. Снова во время ёды говорить Элѣнди: «huk! Что за диво Айванъ! Ну какъ онъ теперь?» — По прежнему! говорить сынь—прежняго еще хуже. — «Завтра опять пойду съ вами къ оленямъ!» Предъ уходомъ вытащилъ изъ мѣшка желѣзную веревку⁴⁾ съ толстой ручкой. Опять Айванъ спить въ шалашѣ, по прежнему совершенно нагой. Однокого пастушка

то перебѣгаєтъ съ мѣста на мѣсто, взирается на самыя высокія горы, совершенно забывая о пастбищѣ. Искусство пастуха состоять въ томъ, чтобы во время перегонять стадо на мѣста, сравнительно свободныя отъ комаровъ и оводовъ и потомъ, пользуясь появленіемъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, возвращаться на болѣе тучныхъ пастбища.

¹⁾ Чукотскіе пастухи въ лѣтнєе время ходять вслѣдъ за стадомъ, нося на собственныхъ плечахъ все необходимое, отъ запасной обуви до котла. Предъ уходомъ стада на лѣтнія пастбища, на недвижномъ лѣтнемъ стойбищѣ убиваютъ нѣсколько оленей про запасъ оставшимся тамъ старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Члохо сохраняющее, это мясо очень скоро протухаетъ и наконецъ просто начиняетъ гнить. Поэтому время отъ времени пастухи убиваютъ въ стадѣ одного или двухъ оленей поменьше и уносятъ убитое животное домой на собственной спинѣ иногда за нѣсколько десятковъ верстъ.

²⁾ Рэттэм—оболочка наружнаго шатра изъ гладко остриженной и сильно продыменной оленьей шкуры. Большая часть шерсти совсѣмъ выпадаетъ. Поэтому обрывокъ рэттэма, достаточный для небольшаго шалаша все-таки можно таскать на плечахъ, хотя онъ несравненно тяжелѣе русскаго портняжнаго полога.

³⁾ См. выше прим. 1 стр. 352.

⁴⁾ Цѣпь. Тонкія желѣзныя цѣпи, употребляю ся русскими для привязыванія собакъ, имѣющихъ привычку отѣдаться отъ ременнной привязи. Отъ русскихъ такія цѣпи перешли и къ чукчамъ.

стадо совсѣмъ покидаетъ, убѣгая отъ комаровъ. Схватилъ за руку, вывѣдокъ на дворъ, на дворъ стала дратъ его желѣзной веревкой. Тотъ молчать, только плечами передергиваетъ, все тѣло опухло и вздулось. «Почему за стадомъ не смотришь. Хозяйскихъ сыновей колотишь? Почему величаешься, за оленями не ходишь?... Отшвырнула его въ сторону, говорить сыну: «Пойдемъ къ оленямъ!» Какъ только покинули Айвана, онъ вошелъ въ шалашъ. Походивъ немногого по стаду, Элѣнди говорить:—«Пойду домой! по прежнему станетъ жить, извѣстите меня снова! Если же исправится, станетъ рабоченъ къ оленямъ, пусть при первомъ случаѣ онъ придетъ домой, (а не вы)!» Какъ только скрылся Элѣнди, вышелъ Айванъ изъ шалаша; идетъ болтая опущеннымъ рукавомъ кукашки¹⁾, идетъ къ оленюму стаду. Дошелъ. Мальчики боятся, чтобы снова не побилъ, но что за диво! Айванъ потерялъ свой прежній голосъ.—Пришелъ?—«Да!»²⁾.—«Вотъ! Говорить совсѣмъ пынью кроткимъ голосомъ.—Мяса не стало: убѣгъ оленя. Отверните табунъ³⁾ туда къ устью рѣчки! Я принесу котомки!» Потащилъ котомки на плечахъ. Табунъ быстро идетъ, а онъ пришелъ еще скорѣе. Убили. Говорить ребятамъ: Ну вы спите! Упали, умерли! Разбилъ тушу на части, стала варить ёду, вынуль готовое мясо, выложилъ на корыто, тогда разбудилъ дѣтей.—«Теперь ѿѣште!» Поѣвиши, дѣти стали обуваться. «Нѣть, нѣть!» говорить—вы спите! Я опять пойду къ оленямъ!» Проснулись ребята, сидѣть въ шалашѣ, поютъ. Такъ и не даетъ имъ ходить въ стадо. Только поѣсть, сейчасъ же уѣгаѣтъ самъ, такой сталъ рабочетный. Табунъ съ каждымъ днемъ началь жирѣть. Сдѣлался истинно усерденъ и искусенъ въ уходѣ за оленями.

Снова убили оленей. Телята покрыты слоемъ жира, округлились, какъ свѣча. Убили одну матку безъ теленка и одного пыжика⁴⁾. Говорить! «Ты иди домой!» «Нѣть, лучше вы!» «Нѣть, нѣть, ты ступай домой!» Понесъ телячью тушу на плечахъ. Пришелъ домой. Элѣнди работаетъ у входа въ шатеръ!—«Кака! пришелъ?...» — «Ы!» — «Поскорѣе положи стельки въ сухую обувь.—кричить женѣ.—Пришелъ! пусть перебуется!» Развязали пошу. Телячья туша вся блѣдѣть, жиромъ. У хозяина стало весело на душѣ, хорошо поѣли, По окончаніи ёды уже переобувается, хочетъ уходить.—«Ты куда?» «Въ стадо!» «Нѣть, нѣть, ночуй! Пусть его! Васъ вѣдь трое!—Вышколиль таки его!» думаетъ про себя. Проснулись утромъ, уже его пѣть. Ушелъ въ стадо. Настало время принести домой котлы, началась голая убивка⁵⁾, Айванъ по прежнему запрещаетъ дѣтямъ, самъ ходить за оленями: ожирѣли, спины стали, какъ доски. Быки!.. Пока стадо на берегу моря, тайно дѣлаетъ членокъ. Вернулись домой, а онъ плыветь на членокѣ. — «Что за диво? ты на членокѣ⁶⁾?!...» — «Ы!» Обрадовался

¹⁾ Весьма обыкновенная чукотская поза, причемъ рука, выпростанная изъ рукава прижата къ груди подъ кукашкой (кукашка—мѣховая рубашка). Поза эта выражаетъ небрежность, лѣнъ, состояніе отдыха, также нерѣшительность и смущеніе.

²⁾ Голосъ Айвана здѣсь изображается тонкимъ и благозвучнымъ, почти подобнымъ голосу его юныхъ товарищей.

³⁾ Мѣстное русское нарѣчіе говорить: оленій табунъ, конскій косякъ, коровье стадо.

⁴⁾ Пыжикъ—оленій теленокъ подросточекъ. Лѣтомъ убиваются обыкновенно или пыжиковъ, или молодыхъ воженокъ, потерявшихъ теленка.

⁵⁾ У !ныка аиматирин на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи годай убивка (буквальный переводъ). Производится въ началѣ Августа, когда стадо въ первый разъ пригоняется на лѣтнее стойбище. Голая убивка сопровождается разнообразными жертвоприношеніями и обрядами. Имя свое этотъ праздникъ получилъ отъ неполношерстныхъ шкурокъ пыжиковъ, которые убиваются въ это время десятками и назначаются для разнаго рода одежды.

⁶⁾ Искусство дѣлать деревянные членоки совершенно незнакомо оленнымъ чукчамъ. Потому при переправахъ даже черезъ незначительныя рѣки они безпомощны. Ближайше къ русскимъ порѣчкамъ покупаютъ у нихъ старые каюки (каюкъ или стружокъ—долблѣнныи членокъ изъ осинового пня).

хозяинъ.—«Вотъ по крайней мѣрѣ переправляться черезъ реки хорошо». Притыдя домой стадо. Тотъ говорить—«На морѣ видѣть островъ. Длинный, узкій. Какъ много дикихъ оленей!»—«Нука, нука! Завтра посмотримъ!» Надѣль Элѣнди одежду изъ выпороточныхъ¹⁾ шкурокъ, закинулъ лукъ на плечи. Сѣли двое на членокъ. Айванъ Эрмаченъ, гребеть,—отъѣзжаютъ по водѣ. Дѣйствительно—пристали къ острову. Пошли вѣстъ. Потомъ говорить Айванъ:—«Я пойду въ эту сторону: увижу, погоню тебѣ на встречу!»—«Согласенъ!» Ушли въ разныя стороны. Вдругъ видѣть Элѣнди: бѣжать Айванъ въ членоку, бѣжать со всей быстротой. Видѣть Элѣнди, какъ достигаетъ членока, зоветъ его; не слышитъ, не слушаетъ, гребеть изъ всѣхъ силъ. Выскрѣпить изъ лука далеко. Остался Элѣнди на островѣ. Вернулся Айванъ на матерую землю, вошелъ въ шатерь.—«Гдѣ же товарищъ?»—«Незнаю! Я въ членокѣ легъ спасть. Гдѣ же онъ? Онъ внерѣль ушелъ! Гдѣ же онъ! Должно быть ушелъ въ стадо!»... Нѣть и въ стадѣ. Залегъ Айванъ въ пологу, ибо теперь дѣйствительно Эрмаченъ, всѣхъ сильнѣе. Даже испражняется въ пологу, не выходить наружу²⁾. Снова раздался его прежній голосище. Тогда поняли жены. Думаютъ: вѣроятно убиль. Съ зарею пришли пастухи. Уходящимъ обратно въ стадо говорить: «Завтра принесите мнѣ только что вылинявшаго теленочка! Отъ тухлого мяса каль худо пахнетъ. Стану питаться только язычками-и-и!». Боятся молодые пастухи. «Убьетъ» думаютъ. Принесли ему неполноперстнаго теленочка. Жены его не хотятъ принять, въ пологъ не входять, на морскомъ берегу плача неизмѣнно сидѣть. Дѣти въ стадѣ плачутъ обѣ отцѣ. Каждое утро приносятъ по теленочку. Каждое утро, принося теленочка, говорятъ между собой:—«Ахъ, вѣдь изобьетъ! Чѣже сдѣлаемъ? Или быть можетъ и нѣть! Можетъ быть, хоть немножко выросли!»

Тамъ на островѣ совсѣмъ изсохъ Элѣнди съ голода, ослабѣль, собрался умирать. Взмолился старому Ворону³⁾. Навѣстилъ его Воронъ.—Ого! говорить—что съ тобой?—Сюда меня забросилъ Айванъ Эрмаченъ!...»—«Хороши же у тебя рабы! Зачѣмъ бралъ такого? Смотрите! онъ сохнетъ! Ну, ну, подожди немнога меня! Я позову товарищей!» Собрались птицы со всѣхъ сторонъ, лебеди, гагары, чайки. Легать мимо острова долгой вереницей подъ предводительствомъ ворона. Подхватили Элѣнди на крылья, понесли черезъ море, полѣли на берегу вблизи жилища.—«Разлетайтесь теперь, говорить, чтобы мой народъ васъ не перебилъ, улетайте на чужія земли!» Не можетъ ходить, ползть на четверенькахъ къ шатру, легъ сзади украдкой, спрятался подъ полою. Внезапно увидѣла его вторая жена. Тайно заплакала вторая жена. Говорить.—«Не плачь! Лучше вари ъду, приготовь закуску, да теплую воду приготовь! Я выпью». Привела первую жену, тайно извѣстила ее. Какъ и первая, она плачетъ.—«Ну! Какъ же ты перешель?»—«Птицы перенесли меня!»—«Поистянѣ много друзей у тебя!» Принесла вторая жена кусочекъ мяса и теплой воды. Сѣѣль кусочекъ везичиной съ палецъ, выпилъ глотокъ. Желудокъ у него совершенно сморщился отъ голода». До вечера трижды закусывалъ и выпилъ три глотка воды, каждый разъ не больше ложки. Потомъ заснулъ. Съ утра много ъду и каждый разъ пилъ теплую воду. Говорить женамъ.—«Теперь ободритесь! Я опять ожиль, теперь ужъ васъ не покину!... Дѣти при стадѣ не извѣшайте! Пусть будуть по прежнему!...» Какъ разъ пришли дѣти изъ стада. Айванъ опять заговорилъ грозно. Говоригъ имъ при уходѣ: «Принесите мнѣ теленочка-а-а!.. Худо пахнетъ каль отъ тухлого мяса-а-а!...» Элѣнди слушаетъ изъ за полы шатра, закусывая руку отъ гиѣва, оставилъ на ней кровавый слѣдъ. Услышавъ голоса сыновей, прослезился въ тайникѣ.

Каждую ночь выходить и стать онъ поправляться силами. По берегу моря бѣгаешь, старается прежнее пріобрѣсти. Вытащилъ корягу изъ песка, въ другую руку другую

¹⁾ Выпоротокъ, шкурка теленка, издохшаго вскорѣ послѣ рожденія. Одежда изъ выпороточныхъ шкурокъ очень мягка, но отличается непрочностью.

²⁾ Идеаль чукотскаго сибаритства. Вообще мужчины нерѣдко исправляютъ естественные нужды въ пологу, при чёмъ женщины прислуживаютъ имъ.

³⁾ Воронъ—символъ чукотскаго Бога Творца, Тэнантумнина.

корягу, хотеть бѣжать, но руди слабы, еще не оправился¹⁾. Постоянно ъѣсть, постоянно ъѣсть, наконецъ стала бѣгать по прежнему. Камни и коряги становятся легче и легче, потомъ какъ будто ихъ совсѣмъ не стало. Такъ стали легки. А Айванъ не выходитъ, лежитъ въ пологу, какъ бревно. Достигъ Элэнди прежней силы, схватить большую сырую корору,—какъ будто нѣтъ ея совсѣмъ, пріобрѣль вдвое болѣе прежнего. Говорить второй женѣ: — нык! Ступай къ оленямъ. Скажи пастухамъ:—«если Айванъ снова станетъ кричать: «Принесите теленочка-а-а?» прямо ему закричите: «Ты когда привыкъ ъѣсть теляточекъ, питаться язычками? Застала дѣтей при стадѣ. Сидѣть погуливши, все еща плачутъ обѣ отцѣ. Говорить имъ: «Если Айванъ опять крикнетъ: «принесите теленочка!», дайте отвѣтъ предъ самой дверью: «Ты гдѣ пріучилса ъѣсть теляточекъ, питаться язычками?»—Но вѣдь онъ нась изобѣть!...»—«Молчите! Вернулся!..—«Вернулся!... Скажемъ, скажемъ!». Обрадовалась дѣти. Утромъ вернулись домой. Только услышаль голосъ дѣтей, отецъ одѣлся въ самыя лучшія одежды, привезенныя женами. Стали уходить обратно къ оленямъ.—«Принесите мнѣ теленочка-а-а! Каль худо пахнетъ отъ гнилого мяса-а-а!» Отвѣчаютъ передъ самой дверью!—«Ты когда привыкъ откармливаться телятами? питаться только язычками?»... Отецъ присѣлъ на корточки за пологомъ, готовится. Зашумѣлъ Айванъ, выскочила совершенно нагой... Женщина кричитъ: «надѣнь хоть штаны!» Надѣлъ штаны, выскочилъ снова, схватилъ скобельное дерево²⁾... Хозяинъ тоже выскочилъ, бросился на него, схватилъ его сзади.—«Мэй, Мэй, Мэй!³⁾ Кто кто, кто?»... Поворачиваетъ голову, не можетъ увидѣть. Наконецъ увидѣлъ:—«Ахъ, ахъ, ахъ! Мэй, мэй, мэй! Какъ пришелъ ты, кто привезъ тебя?»...—Кто привезетъ?—я самъ!» отвѣчаетъ Элэнди. Оттащилъ его отъ шатра, кричать женѣ: «Вай, вай! сними съ него штаны!»... Сняла штаны, раздѣла его. Очень гнѣвенъ Элэнди. Кричать: «Вай, вай, полно принесите!» Тотъ даже не вырываетъ. Принесла женщина полно. Ножомъ откололъ кусокъ, дерево обрѣзываетъ, завастриваетъ конецъ. Покончивъ, повертилъ Айвана навзничъ, положилъ ладонь на землю, проткнулъ ножомъ, совсѣмъ пробилъ ладонь, пробивъ ладонь, вбиль заостренный колышекъ. Потомъ другую руку. Тотъ даже и не бѣтъся. Распялъ его руками по землѣ. Потомъ ноги тоже растянуль и пробилъ кольями. Потомъ приткнулъ къ землѣ мясо боковъ; потомъ провертѣлъ кончикъ макушки и тоже приткнулъ къ землѣ. Губа до крови закушена отъ гнѣва. Покончивъ, ротъ у него распялилъ тоже колышкомъ. Говорить же намъ: «Вай, вай! Накладите ему въ ротъ! Онъ требуетъ молодыхъ телятъ, хотеть питаться язычками. Любить, чтобы каль хорошо пахнулъ... Пусть попробуетъ, хорошо ли пахнетъ!» Жены на.... ему полонъ ротъ, также на.... весьма много. Утромъ пробудились. У него ротъ по прежнему наполненъ каломъ и мочей, но еще живъ. Еще разъ почевали, по прежнему смотрить. Нѣсколько дней такъ провели, почевали, онъ все смотрѣлъ. Наконецъ вздохъ, ибо было уже по заморози. Замерзъ. Такъ сдѣлалъ Элэнди, ибо пришелъ ему великий гнѣвъ, а если бы Айванъ не сдѣлалъ таѣ, то скоро отдалъ бы ему одну изъ женъ и жили бы равно, какъ братья.

III.

Такъ жили. Дѣти выросли, пріобрѣли силу, стали мужчинами. Состарился Элэнди. Но сыновья велики и сильны. Ихъ копья со связкой колецъ на тупомъ концѣ. На ходу звенятъ, кольцами. Снова всѣ живутъ на берегу моря. Снова Айванъ Эрмѣчанъ,

¹⁾ Ношеніе тяжестей и бѣгъ съ ношей на плечахъ составляетъ и теперь любимое физическое упражненіе чукотской молодежи, конечно въ глухихъ мѣстахъ подальше отъ русского вліянія.

²⁾ Скобельное дерево, камень дерево, длинная изогнутая деревянная оправа съ двумя ручками. Въ средину ея вставляется плоскій камень, остро обитый по краямъ. Орудіе это употребляется для скобленія шкуръ.

³⁾ Мэй. Слово обращенія между мужчинами, также отъ мужчины къ женщинѣ.—Послушай!

не прежний, иной, приблизившись къ нему, сталь сосѣдомъ¹⁾, — морской человѣкъ, питающейся морской ёдой. Говорить сыновья отцу: «Айванъ, кажется, нашелъ мертваго кита, ибо пошелъ разрѣзывать его на части. Что, не дастъ ли онъ тебѣ²⁾?» Пошелъ старикъ, предъ уходомъ говорить: «Не дастъ, должно быть! Не думаю, что дастъ! Прежде я не думалъ бы, что не дастъ, но теперь я состарился!.. Пусть невѣстка все же приготовить сумку, я ее унесу съ собой!» Пошелъ и сумку унесъ. На берегу моря нашелъ Айвана. Сидѣть вмѣстѣ съ женой на пескѣ. Китъ засгрѣлъ на мели и остался далеко отъ берега среди мелкой воды.—«Ка-ка! Пришелъ ты?!»—«Ы!»—«Ну, ну, чего тебѣ?»—«Дѣти меня послали!»—«Ну давай, самъ накладу! Сюда, сюда! принесите сюда часть!» Принесли работавшіе, онъ отрѣзаль кусокъ кожи съ жиромъ.—«Иди сюда! говорить.—Наполнилъ твою сумку!» Подошелъ старикъ.—«Повернись задомъ. надѣну тебѣ!».. Сумку легкая, словно пустая. Вдругъ схватилъ его сзади за подгузье штановъ и нацихаль за поясъ жиру и кожи. — «Правда, вотъ тебѣ! тѣперь иди домой!» Ибо насмѣшилъ³⁾. Жиръ потекъ по ногамъ и по животу. Не можетъ идти, едва доплелся домой. Штаны наполнены.

Сыновья говорить матери «Ну ка, погляди ка! А что?»—«Еще нѣтъ!» Спусти немного опять. «Посмотри ка снова! Что же онъ такъ медлитъ?» Наконецъ говорить—«Вотъ онъ идетъ, палку держитъ поперъ спиной!»—«О, о! должно быть иоша тяжела!» Вошелъ. Женщины схватились за сумку, говорятъ: «А что?» Ищутъ вездѣ, поворачиваются, ничего нѣтъ. Онъ стоитъ въ переднемъ шатре, обернулся къ нимъ задомъ. «Гдѣ же?» «Да вотъ тутъ есть!» Сынъ ног ядѣль изъ полога, высунувъ голову подъ полою входа⁴⁾. Взяли сумку, трясутъ: ничего нѣтъ.—«Гдѣ же!»—«Да вотъ здѣсь!»—«Но гдѣ же наконецъ!» Вторая сноха бросила взглядъ на подгузье—«О-о-о!» Сняла штаны со старика. Онъ весь перепачканъ жиромъ.—«Вотъ какъ! Вотъ какъ!» кричать сыновья. Тотчасъ же стали одѣваться. Старикъ говорить;—«самъ вы теперь такъ пріучили Айвана! Или скажете, что я его пріучилъ! Но я когда то наказалъ такого. Теперь другой Айванъ насмѣхается только надъ вами!»..

Вышли сыновья, схватили копья, побѣжали отъ самой двери. На бѣгу подхватали арканы, перекинули свѣткомъ черезъ плечо. Айванъ съ женой еще сидѣть на берегу. Миновавъ его, побѣжали по берегу, гдѣ суетятся работающіе; прыгнувъ съ берега, перебрели черезъ воду къ киту.—«Прочь, прочь! Уѣдите отсюда!» Машутъ копьями во всѣ стороны, толкаютъ то тулымъ, то острымъ концомъ...

— «Перестаньте, перестаньте! Сперва убейте: заставьте уйти⁵⁾ потомъ отнимите кита!» кричитъ Айванъ съ берега:—«Не буйствуйте съ людышками! Идите, идите сюда!» Они какъ будто глухи.—«Хорошо! говорить, принесите нужное для борьбы!» Работники принесли изъ шатра моржовую шкуру и двѣ моржовые голени. Разбиль въ острѣе осколки, въ разостланную шкуру набилъ осколки кости острѣемъ вверхъ, воткнулъ полукругомъ; только мѣсто, гдѣ встать, свободно. Натеръ шкуру китовымъ жиромъ. Покончивъ всѣ приготовленія, всталъ на мѣсто.. Братья, отталкивая копьями, остались одни у кита; иные попадали въ воду; бывшіе на членокахъ чуть не утонули и поспѣшили вернуться на берегъ. Стоять на китѣ, рѣжутъ китовину. Отрѣзываютъ куски величиной съ моржа, перебрасываютъ прямо на берегъ.—«Идите, идите

¹⁾ Сосѣдомъ, но не на одномъ и томъ же стойбищѣ. Нынѣ такѣе и сосѣдъ живущій особо, но на близкомъ разстоянії.

²⁾ Китовая кожа, срѣзанная вмѣстѣ съ жиромъ, считается лакомствомъ не только у сидячихъ, но и у оленныхъ чукочъ. Потребность разнообразить пищу выражается у оленныхъ чукочъ главнымъ образомъ, пристрастіемъ къ тюленему жиру, китовой кожѣ, моржевому мясу, отчасти также къ рыбѣ, а вовсе не къ растительнымъ веществамъ, которыхъ употребляются только, какъ суррогатъ и составляютъ пищу бѣдниковъ.

³⁾ т. е. Айванъ склоненъ къ издѣвателству надъ людьми.

⁴⁾ Люди, сидящіе въ пологу, разговаривая съ людьми, стоящими снаружи, обыкновенно ложатся на животъ и высовываютъ голову, плотно окутывая плечи мѣховой подою полога.

⁵⁾ Уйти равносильно умереть. Заставьте уйти—убейте!

сюда!» Старший братъ говорить: «Пойду-ка я!»—«Или я!» отвѣтъ младшій братъ. Старший говорить: — «Нѣтъ ужъ, я!» Младшій возражаетъ. — «Нѣтъ ужъ, лучше я! Прошу тебя, послушайся! Пусть лучше я! Пусть ты будешь на этотъ разъ вмѣсто старика!...»—«Хорошо!—говорить старший,—но можетъ и не удастся!..»—Посмотримъ! говорилъ младшій, — кто знаетъ?» — «Я говорю, быть можетъ, не будешь въ силахъ. Пусть, я посмотрю, ибо ты, какъ ребенокъ!...» А между тѣмъ, они словно близнецы, ибо родились въ одно и то же время. Разница пѣсколько дней.—«Все равно, настаетъ младшій,—пусть попробую! Ибо стыжусь отцовскаго погруженія подъ жиръ... Пусть я! Если ты схватишься съ нимъ, буду бояться вернуться домой...» А что если скажетъ отецъ: «А этотъ какъ?...» Пусть лучше я!..»—«Хорошо, хорошо! Я не спорю. Пусть ужъ ты!» Айванъ стоитъ на скользкой шкурѣ, словно вбитый въ землю.—«Эй, вы, пустословные! ¹⁾). Торопитесь! Покажите, какіе вы!» Прыгнулъ младшій братъ съ кипа далеко на сухой берегъ, какъ будто полетѣлъ на крыльяхъ, попалъ ногами прямо на моржовую шкуру. Какъ будто прильнули къ ней (ноги). Айванъ говорить: —«Кто? Ты? (начнешь...)»—«Нѣтъ, ты!»—«Пусть ты, если ты отниматель!»—«Ладио, согласенъ!» Всталъ Айванъ недвижно. Схватилъ чашчу ²⁾ Айвана. Какъ ни напрягается, какъ ни усиливается, не можетъ,—недвиженъ, какъ пень. Неторопясь, ощущиваетъ руками, откуда бы схватить, медленно примѣривается. Наконецъ наставилъ ладонь, какъ топоръ, ударилъ по шеѣ. Голова отскочила, какъ волчокъ, тѣло же стоитъ недвижно. Товарищи Айвана стоять вокругъ и смотрятъ. Все же убилъ, упало. Жена Айвана, увидѣвъ, какъ покатилась голова, убѣжала, не глядя куда. Прыгнулъ обратно къ товарищу на кипѣ. Окончивъ, понесли. Ну и ноша же. Принесли, бросили у входа на землю. Шатерь затресся отъ вѣтра.—Кака!—говорить отецъ.—Принесла таки! (ибо понялъ, что убили). Старший братъ говорить:—«Да, рукой ребенка...» Отецъ говорить: —«Э, э! Зачѣмъ же убили? Вы не привели вѣдь живьемъ! Очевидно, вы еще плохи!...» Старший говорить:—«Я вѣдь говорилъ: — пусть лучше я самъ!» Младшій говорить: — «Да, но я еще ребячески—неразуменъ!...»

На слѣдующій годъ богатыри проводили конецъ лѣта—на горныхъ пастбищахъ, далеко отъ моря. Отецъ говорить по первой заморози: — «Что за диво! Соскучились обѣ морской пищѣ. Ибо это наше старинное питаніе» ³⁾.—«Какъ же стадо?» говорить сыновья. Но все равно! погонимъ его предъ собой!,—«Нѣтъ! отвѣтъ отецъ,—желалъ морского мяса, постерегу стадо одинъ, въ ожиданіи!...» Ушли сыновья на море. Какъ только ушли, ночью коряки угнали стадо. При старикѣ одна жена. Другая давно ушла. Старикъ и старуха въ сторону не убѣгаютъ, ходятъ среди стада. Наслѣдники тѣхъ самыхъ коряковъ, которыхъ когда-то ограбилъ Элѣнди, гонять его стадо обратно. Но старикъ и старуха ходятъ въ стадѣ. Быки все время хотятъ пребывать вмѣстѣ, не разбредаются въ стороны, тѣснятся вокругъ стариковъ. Пасутся-ли на моховищѣ, или лягутъ на отдыхъ, такъ плотно окружаютъ, что со стороны ничего не видно. Коряки не замѣчаютъ ихъ, поютъ, смѣются, гонять стадо. Отъ добычи имъ весело. 40 человѣкъ коряцкихъ воиновъ. Второй разъ noctуютъ безъ крова. Старикъ озябъ, чуть не замерзъ, ибо во время порозованія оленей ⁴⁾). Коряки разводятъ огонь, варять пищу. У старика ноги озаблени, отъ голода печень болитъ ⁵⁾). Старуха говоритъ:—«О, мы не можемъ идти! Завтра упадемъ. Ноги у тебя отморожены. Гололъ, усталость, тоска... Умремъ завтра!...»—«Нѣтъ, нѣтъ, подбодрись! говорить мужъ. Теперь дѣти вернулись домой, погонять за нами по слѣду!...»

¹⁾) Атумнгытшакѣн, пустословный, обычное бранное слово.

²⁾) Чашчу, богатый оленями. Такъ называютъ оленные чукчи самихъ себя.

³⁾) Еще лѣтъ 80—100 тому назадъ оленеводство было сравнительно мало развито, и главная масса племени существовала морскими промыслами.

⁴⁾) Порозование (на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи)—течка. По чукотскому повѣрю по окончаніи течки дикихъ оленей наступаютъ первыя осенния бури.

⁵⁾) Печень болитъ съ голоду, обыкновенное чукотское присловье.

⁶⁾) Въ этихъ словахъ заключается приглашеніе къ самоубийству, ибо по исконнымъ чукотскимъ понятіямъ, гдѣ приличнѣе кончить жизнь отъ собственной руки, чѣмъ дожидаться безславной смерти отъ изнурительной болѣзни, или голоднаго истощенія.

Действительно вернулись домой. Только однажды почевали на морѣ. Принесли огромные ноши. Стада идти, родителей тоже. Младший брат говорить! — Ну, погонимъ! — «Темнеть солнце заходить! говорить старший: — Пусть завтра!» — «Да, вѣдь они забнутъ!» — «Охъ, идти! Должно быть ихъ убили!» — «Ко!..»

Все-таки почевали. Младший не спитъ, ходить по окрестностямъ. Еще до приближенія разсвѣта, говорить: — «Ну, пойдемъ! Довольно. Разсвѣтаетъ!» — «Еще немножко!» — «Нѣтъ, идти! Довольно!» Пошли.

Старушка совсѣмъ не можетъ идти, на-силу плетется. Мужъ говоритъ: — «Подбодрись, подбодрись! Не покинуть насъ дѣти, погонять по слѣду!...»

Табунъ сталъ спускаться въ ложбину, тогда начали догонять. Взобравшись на склонъ, посмотрѣли со скалы, увидѣли. Говорить младшій братъ: — «Скорѣй, скорѣй! Побѣжимъ къ проходу сквозь ложбину». Старушка оглянулась, увидѣла сыновей, идущихъ со скалы внизъ. Вздрогнула старуха, говорить старику: — «О, пришли наши дѣти!» Отъ радости сдѣлалась весьма быстро.

Узкій проходъ ущелья, дорога весьма узка, но подъемъ впереди расширяется и уходитъ круто вверхъ. Братья обѣжали издали стадо и очутились впереди на самомъ верху и сверху загикали: «Го-о-о! Го-къ, го-къ, го-къ!»¹⁾). Стадо повернулось и побѣжало, а коряки уже вошли въ ущелье. Стадо рванулось, затоптало въ ущельи коряцкихъ воиновъ, смѣшило ихъ кровь съ пылью, втолтало лица въ землю. Только десять человѣкъ спаслись и бѣжали. Быки шли впереди стада. Когда скотъ побѣжалъ, они очутились сзади и медленно провели старииковъ вслѣдъ за стадомъ. Тогда побѣжали сыновья, подхватили старику и старуху подъ мышку, какъ рукавицы, и погнали оленей обратно. Стадо идетъ домой, вытянулось въ долгую линію, какъ кочевой поѣздъ²⁾, идетъ, торопится на свою землю! 10 коряковъ прибѣжали домой, говорить: «Одѣвайтесь, вооружайтесь! погонимъ по слѣду!» Догнали. Когда догнали, братья выстрѣлили изъ лука, убили одного, подхватили за ноги тѣло и потрясли. — «Вотъ и вы такъ будете! Трусы вы, худые людишки!»

Опять догнали стадо, оно уже ушло далеко; подхватили по дорогѣ отца и мать и побѣжали въ слѣдъ. Ибо старики и старуха изсохли и стали легки. Пришли домой. Стадо уже на старомъ кочовищѣ недвижно, отдыхаетъ. Говорить отецъ во время Ѣды, а тюленій жиръ течетъ у него по подбородку: — «Сильно же забыли мы вчера. Значить, действительно у насъ есть дѣти».

IV.

Осенью укочевали на зимнія стойбища. На кочевкѣ братья раздѣлились. Младшій братъ отправился въ страну своихъ тетокъ, сестеръ отца, отдающихъ имъ въ замужество, пошелъ свататься, стеречь стадо за жену³⁾). Остальные все остались. У него по пути отъ дорожной спутницы родился ребенокъ. Быстро стала расти ребенокъ. Движутся они тихо годъ и другой, ребенокъ ростетъ. Половину отцовскаго стада гонить предъ собою. Отецъ водить ребенка за стадомъ, у шатра покидаетъ только женщину, не возвращается домой три и четыре дня. Говорить сыну: — «Ну, пожалуй пойдемъ! Отнесемъ домой котлы!» Ребенокъ, гдѣ только ни сидеть, все играетъ въ стрѣльбу изъ лука. Даже спать никогда не захочетъ, все время стрѣлять изъ лука. Однажды отецъ шутя говорить: — «Ну-ка выстрѣли въ былинку!» Сдѣлать ему стрѣлку изъ обломковъ котельного желѣза, выстрѣлилъ (ребенокъ), разрѣзаль былинку пополамъ! Отецъ закутилъ губу, говорить: — «Нынѣ! что за диво!» На завтра идуть домой, несутъ котомки

¹⁾ Обычный крикъ пастуховъ, побуждающихъ стадо перемѣнить направление пути.

²⁾ Чукотскій кочевой поѣздъ вытягивается въ долгую линію въ нѣсколько десятковъ саней, подъ предводительствомъ женщины, бѣдущей на особой єздовой нартѣ.

³⁾ Іэпгэуидъуїн — стеречь за жену (стадо). Основной формой брака у оленевыхъ чукчъ, является пріобрѣтеніе женщины путемъ двухлѣтней или трехлѣтней службы пастухахъ при стадѣ будущаго тестя.

и котлы, стадо покинули въ полѣ. Ребенокъ посмотрѣлъ, говорить: — «Вотъ тамъ что?» — «Гдѣ?» — «Та-а-амъ!» Далеко впереди поперекъ дороги движется коряцкій младенецъ, идетъ, словно лежитъ на крыльяхъ. Вотъ такъ витязь! — «Охъ! — говорить отецъ, — ибо ребенокъ ты?» — Ну такъ что же? Сердце крѣпко! — «Если крѣпко, сдѣлаемъ такъ! Когда приблизится, посажу тебя подальше. Сразимся ковыями! Если стану уставать, приближусь къ тебѣ. Если не стану, сиди на мѣстѣ! Не нужно тебя! Но на всякий случай, можетъ быть я устану: — Если приближусь къ тебѣ, выйдеть такъ, попробуй, и птица дука! Когда я на тебя этакъ взгляну и подѣлѣ тебя поперекъ дороги перейду, попробуй выстрѣлить ему вдоль лба; только черкни, разрѣжь кожу?» Ребенокъ молчать, молча слушаетъ отца.

Ловокъ коряцкій витязь, действительно, стала уставать отецъ. Захотѣть къ ребенку, перешелъ дорогу, бросилъ взглядъ на ребенка. Мальчикъ выстрѣлилъ вдоль лба, прорѣзълъ кожу лба, лицо коряка залилось кровью. Сѣль на землѣ, говорить: «Како! ¹⁾ Значитъ ты — стадо-стиматель, олене-возвратитель! Вотъ слабый ребенокъ въ помощникахъ. Мы такъ не бываемъ. Съ дѣтьми вмѣстѣ вы сильны!» Они сѣли вмѣстѣ. Раненый придерживаетъ лобъ ножомъ ²⁾. — «Како! — говоритъ отецъ, — снова насильника будущаго создалъ я, будущаго грабителя у всѣхъ людей создалъ, слѣдовательно, я хороши!» ³⁾ — «Но вѣдь мы боролись! говорить корякъ. — Вы уходите. Торопитесь! Я васъ задерживаю. Ну же!... ⁴⁾.

Тотъ по его слову закололъ его копьемъ. — «Теперь перестанете драться, ибо только я одинъ былъ сильный человѣкъ!» — говоритъ предъ смертью корякъ. Ушли домой, пришли. Женщина сидѣть одна. На утро осмотрѣли стадо, совершили голую убивку. Опять откочевали, остановились близко. Окончивъ кочеваніе, сталиѣтъ. Только что поѣли, собачка стала взлаивать. Они раздѣты, разуты, одежда развѣшана; сидѣть нагие. Свѣтло на дворѣ отъ мѣсяца, какъ днѣмъ. Схватилъ одежду, быстро одѣлся. Жена говоритъ: «Быстро посмотрю! ты сиди!» — «Нѣть, не нужно! — Я самъ!» — Она настапаетъ. — «Нѣть, не нужно! Самъ!» Ребенокъ говоритъ: — «Или я!» — «Не нужно! Не нужно! Пусть я!» Пересталъ торопиться. Медленно выворачиваетъ обувь. Одѣлся, вышелъ. Съ дороги несетъ звонъ колокольчиковъ ⁵⁾. Кто-тоѣдетъ. Вошелъ въ пологъ, легъ. Говорить (жена). — «А что?» — «Да, правда, звонъ. Движется!...» — «Почему же легъ?» — Еще далеко! — Стадо пробѣжало, испуганное. Вышелъ. Одинъѣздокъ на оленяхъ уже пробѣгаєтъ мимо шатра. Сильные олени, сильный коряцкій витязь.

Говорить (хозяинъ). — «А что?» — «Ы!» — «Ты одинъ?» — «Многіе движутся!» — «Что станемъ дѣлать? — «Не знаю! Посмотримъ!» ⁶⁾ — «Не будешь-ли ждать товарищей? — «Пусть ихъ! Но только я безъ панциря!» ⁷⁾. — «Ну, подожди лучше!» — «Нѣть, пусть и такъ!» — «Да, вѣдь ты съ голой кожей! Лучше ужъ подожди!» — «Зачѣмъ буду ждать? Плохіе то люди! Лучше не ожидай!... Ну, поскорѣе!» — «Ну, что-жъ, согласенъ!» Досталъ лукъ изъ шатра, изъ потайного мѣста вынулъ. Жена смотрѣть. Предъ дверью прямо виднѣется корякъ — отъ мѣсяца свѣтло, какъ днѣмъ. Густой лѣсъ. Побѣжалъ че-

¹⁾ Како — выражаетъ сильное изумление.

²⁾ Обычное средство для остановки кровотечений.

) Въ словахъ корако заключается косвенный укоръ, который чукотскимъ витяземъ опровергается.

⁴⁾ Въ чукотскихъ преданіяхъ раненый или побѣженный воинъ, обыкновенно просить у побѣдителя свой соуп de grace. Побѣженному витязю безславно уйти живымъ съ поля битвы.

⁵⁾ Привязываніе мѣднаго колокольчика къ спинѣ єздовой парты считается щегольствомъ.

⁶⁾ Лаконичность разговоровъ предъ битвой, также у больного предъ смертью, считается признакомъ высшей доблести.

⁷⁾ Чукотско-коряцкій панцирь дѣлался изъ кожи лахтака или моржа, также изъ древесной коры. Впрочемъ преданія упоминаютъ и объ желѣзныхъ панциряхъ чукотскихъ воиновъ, сдѣланныхъ изъ широкихъ желѣзныхъ бляхъ, нашитыхъ на плотную кожу. Въ Этнографическомъ Музѣи И. Р. А. Н. имѣются образцы того и другого панциря.

лоникъ сквозь лѣсъ, добѣжалъ до края, нашелъ дуплистое дерево, сталь слаи. Дерево
весьма толстое: тѣла его не видно изъ-за дерева. — «А чѣ, — кричать чашчу. — Ты
такъ будешь?» — «Ы!» — «Тебѣ такъ удобно?» — «Ы!» — Натянула чашчу лукъ, вы-
стрѣлилъ стрѣлою, пробилъ и дерево и коряка насквозь. Сталъ подѣлжать задніе ко-
рики. Жена говорить: — «Вотъ шумятъ ъдущіе!» — «Пусть ихъ!» — Даже не выходить
изъ полога, возгордился духомъ, сталь великоуменъ. Увидѣли подѣхавшіе на оленяхъ
пустын санки и оленей, привязанныхъ у лиственицы. Одинъ пошелъ по сѣду, оты-
скать и дерево, и убитаго. — «Лучше уѣдемъ!» — «Отчего?» — «Пожалуй, худо будетъ!»
— «А чѣ?» — Дерево въ щепы, человѣка насквозь! — «Уѣдемъ, уѣдемъ!» — «Я гово-
риль, что не нужно выходить! Посмотрѣть и сами уѣдутъ. Давай спать!...»

Пришелъ въ страну тетокъ, тамъ жилъ, много лѣтъ прошло. Состарился, а сынь
его выросъ и также сталъ єрмаченомъ. Говорить отцу: — «Нѣть лука!» Отецъ даетъ
свой. — «Это ребячій лукъ! О, безъ лука!» Отцовскій лукъ дернулъ, переломилъ подо-
ламъ. — «О, безъ лука!» Морской силачъ послалъ свой лукъ по оленнымъ жи-естьвамъ.
— «Хвастають передъ нами чашчу силою. Пусть же натянуть этотъ лукъ!» Послалъ
также и рыпид¹: большую сумму табаку²). Возять и лукъ, и сумму отъ жительства
къ жительству. Три человѣка несутъ, одинъ несетъ лукъ, другой несетъ туль, третій
суму. Всѣ люди жаждутъ табаку, ибо это большое богатство, яко тянуть и не могутъ
(натянуть). Слишкомъ великъ. Жаждутъ хоть одной жвачки³), просить, — не даютъ;
ибо только, когда натянуть лукъ, тогда и вскроютъ сумму съ табакомъ. Пять братьевъ,
пять силачей, пять богатыхъ оленями народо-обидчиковъ, собрались виѣстъ, шестой
матерь человѣка, не имѣющаго лука. Носители морского лука пришли, вошли въ пе-
редний бычаче огромный домъ къ старшему брату. Всѣ по-очереди хотятъ натягивать.
Старшій упершись пятками, шевельнулъ тетиву. У безлукаго человѣка есть жена, отецъ
его старъ. — «Какой силачъ!» говорить люди, (глядя на натягивающаго). Безлукаго че-
ловѣка вѣтъ дома. Старикъ со снохой стоять и смотрѣть. — «Вотъ онъ не смогъ!» го-
ворить ему сноха: — «Ну-ка ты! Или ты не сможешь?» — «Я старикъ! — говоритъ, — не
нужно! Пусть молодые пробуютъ. Я зачѣмъ стану пытаться. Развѣ это орудіе прислали
для меня? Я теперь состарился!...» Говорить женщина пяти братьямъ. — «Не можете?»
— «Ы!» — «Вотъ бы моему мужу!» — «Не пустословъ! говорить єрмаченъ. — Развѣ
онъ вѣтъ? Негодяй!... Не пустословъ!!..» Женщина толкнула сумму и покатила
къ своему дому, ничего не отвѣчая. Всѣ молча смотрѣть. Безлукій былъ при оленяхъ.
Было начало зимы, ибо осень миновала, пока лукъ странствовалъ между жителями и
дошелъ сюда. Притащивъ домой сумму, пошла снова, лукъ и сбрую привесла. Суму по-
ложила у стѣны, лукъ на крышу полога. Придя, вскрыла сумму, дала свекру и свекрови
по жвачкѣ, хотя лукъ еще не тянули. Носители лука молча смотрѣть. Спустя немногого
пришелъ пастухъ. Желѣзную стрѣлу достали, величной стрѣла съ одибою палицу⁴).
Лукъ же крѣпокъ и плотенъ. За крышу полога выдается подставка на рогахъ лука.
Пастухъ вошелъ. — «А, говоритъ, — главные гости прѣѣхали!» — «Ы!» — Отецъ изъ дворѣ
ходить взадъ и впередъ, во время хожденія вокругъ, говоритъ! — «Что за дитя? Диво!»
Жена на встрѣчу мужу тоже достала жвачку. Бдѣть мясо, конецъ лука выглядываетъ
надъ пологомъ. Есть, а самъ поглядываетъ на этотъ лукъ, радуется, почти смеется.
Утренняя заря. Поехавши, не отдохнувши, говоритъ женѣ: — «Что же? Дай!» — Женщина

¹) Рыпид — призъ, собственно в отки утое. На чукотскихъ скачкахъ и состяза-
віяхъ призъ кладется у основания явовой вѣтви, воткнутой въ снѣгъ. Легкие предметы,
вродѣ лисьей или песцовой шкурки, укрѣпляются въ вершинѣ вѣтви.

²) Въ чукотско-русской торговлѣ имѣть обращеніе малая сумма табаку въ сомъ въ
1 пудъ и большая сумма въ сомъ въ три пуда, которая называется также побочечъ
(эмѣка I), ибо она составляетъ единъ изъ парныхъ выюковъ обычного конскаго груза.

³) Жеваніе табаку распространено между чукчами никакъ не менѣе, чѣмъ
куреніе.

⁴) Чікіл — толстая налоза изъ лиственнаго дерева, употребляется при обученіи
узды оленей. Чікіл привязываютъ къ короткому недоузду и сильно дергаютъ
за него обѣими руками, заставляя животное поворачиваться въ ту или иную сторону.

отвѣчаетъ:—«Что же, подамъ!» Отецъ ходить виѣ шатра взадъ, впередъ обѣ одновѣ рукавѣ ¹⁾, говорить:—«Диво, диво! Что за дитя?» Подала, взяль. Смотритъ, разматриваетъ, говоритъ:—«Какъ разъ цо миѣ!» Отецъ смотритъ издали, сквозь входъ. Говорить женѣ:—«Поди, позови сосѣдей!» Позвала, вернулась.—«Ну, что же они?»—«Торопятся! Придутъ!» Сынъ держить лукъ. Старикъ немногого усмѣхается... Не отдаетъ, такъ и держить лукъ.—«Ну, что же? Будемъ торопиться!» Носители лука говорить:—«Како! Вотъ диво!» Отецъ говоритъ:—«Если торопишься, попробуй пока не вза-четъ!»—«Но я хочу, чтобы они па меня посмотрѣли, ибо они называли меня без-сильнымъ!» Старикъ говоритъ:—«Что же, и они успѣютъ посмотреть!»—«Ладно!» го-ворить. Сердце у него припрыгиваетъ. Взяль, потянуль тетиву двумя перстами, выти-нуль чуть не до конца. Взадъ и впередъ спинка (лука) гнется, словно сырое дерево. Отпустиль. Тетива только брякнула: «Дэн!!... Смотрящіе удивляются. Отецъ уѣжжалъ на другой конецъ шатра, при уходѣ только и говорить:—«Что за дитя! Что за дитя!» Пришли сосѣди, старшій ѣрмѣченъ впереди. Безлукій сѣль поперекъ входа, держить лукъ въ рукахъ.—«Зачѣмъ же гостей передъ входомъ ты держишь?»—«Однако, по-видимому, вы не могли натянуть?»—«Какъ же мы сдѣлаемъ это? Зачѣмъ привезли такой лукъ?»—«Да!.. А я вотъ говорю: Это лукъ, такъ лукъ!»—«Ты потяни-ка! Какъ у тебя будетъ!...»—«Ну, что же!... Попытаюсь!» Говорить женѣ:—«Досталь желѣзную стрѣлу!» Она принесла стрѣлу, подобную оленьей палицѣ. Далеко-далеко впереди была мерзлая кочка, слишкомъ далеко впереди. Говорить безлукій носителю лука:—«Попро-буемъ хоть въ ту кочку!» Другіе говорятъ:—«Пожалуй! Только бы посмотретьъ, какъ далеко долетить стрѣла!» Луконосецъ говоритъ:—«Твой умъ!» Всталъ на колѣно, вы-стрѣлиль въ кочку. Вытянуль тетиву во всю длину стрѣлы и перетянуль еще дальше.. Отецъ смотрить, весь дѣсны ²⁾, по временамъ поглядываетъ и на зрителей. Кочка едва видибется, чуть возвышается надъ снѣгомъ—такъ далеко, однако, она очень велика вблизи. Наконецъ, витязь спустиль стрѣлу. Дотянуль тетиву до плеча, тогда спустиль лукъ. Какъ только спустиль, кочка тотчасъ же подскочила; ибо истинно быстро стрѣляющій лукъ привезенъ съ моря; далеко за кочкой (стрѣла) скользнула по снѣгу. Словно дымъ надъ слѣдомъ. Взбитый снѣгъ долго не садится. Держить лукъ, тетива звенить, какъ колоколь, не想要 умолкнуть.

Спрятать лукъ. Носители лука молча одѣлись, обулись, отправились домой, поки-нувъ все. Люди стали приходить, просить табаку.—«Не дамъ!» говоритъ старикъ.—Ии одного корешочка ³⁾, не дамъ! Харѣмъ! ⁴⁾ «Отчего же хоть корешковъ не даешь?» говоритъ сынъ отцу:—«Пусть ихъ! Почему они не упражнялись, не пріобрѣтали крѣ-пости?»—«Если бы я, тогда, еще ребенкомъ, не прорѣзаль коряцкаго лба, теперь какъ бы курили табакъ?..»

Замолчалъ старикъ. Сталъ раздавать корешки сосѣдямъ.—«Какъ иибудь прожи-вемъ всѣ вмѣстѣ!» Но пять братьевъ, богатыхъ оленями, бѣжали въ ту же ночь, со-бравъ только упряженыхъ бѣгуновъ. Боятся новаго ѣрмѣчена. Собраль ихъ стада, сталь богать, укочеваль со стадами.

V.

Замедлили откочевывать на лѣтнее стойбище. Поздней весной (на пути) воды при-шли на встрѣчу этому Лучнику. Большая рѣка пробѣжала поперекъ дороги. Не слиш-комъ широкая, но глубокая, быстрая, только-что вскрылась, еще несетъ ледъ. Погон-щики оленей пришли къ берегу.—«Гук!» говоритъ старикъ,— на узкой землѣ предъ текучей водой недвижны станемъ. Ибо брода нѣть, рѣка глубока, быстра; только на

¹⁾ Изъ народа Айвановъ.

²⁾ Ах-рѣмъ и ама—равносильно нашему:—оскаливъ зубы; широко усмѣхаясь.

³⁾ Корешки широкихъ листьевъ «черкасского» табаку, считаются самыми пло-хими материаломъ для куренія.

⁴⁾ Харѣмъ—выражаетъ отказъ.

самомъ перховыи съ трудомъ перебредаютъ.—«Ко! говорить сынь.—Отдохнемъ здесь. Простоймъ до завтра. Солнце подымется, тогда перекочуемъ!»—«О, нѣтъ! говорить старикъ.—Куда перекочуемъ?—За рѣку!»—«Это какъ ты сдѣлаешь?»—«Ко! Завтра увидимъ!» На другомъ берегу широкая, низкая коса, ибо море близко. Пробудился, солне- еще не поднялось. Собралъ стадо близко къ шатру. Ну, разбираите шатель. Отецъ ходить по берегу, говорить:—«Что за диво! Во время разборки шатра переобувается въ иную обувь, подвязываеть короткіе торбаса¹⁾). Отецъ говорить:—«Куда ты?»—«Попытаюсь!»—«О, нѣтъ!»—«Пусть попытаюсь!»—«Но вѣдь ты утонешь!»—«Развѣ мое тѣло не въ состояніи двигаться! Почему же живая вода убить меня?» Досталъ копье изъ саней. Древко толстое, широкое, длинное; весьма крѣпко древко этого коня! Вытащилъ копье. Отецъ смотритъ. Взмахнулъ копьемъ разъ и другой, древко болтается не можетъ-ли сломаться. Но оно совсѣмъ габко. Взялъ копье за конецъ, поднялъ вверхъ. Бѣжитъ къ водѣ, держа обѣими руками. Очутившись на берегу, прыгнулъ на средину рѣки. Отецъ молча смотритъ. Громко плачетъ мать. Разбивательницы шатровъ думаютъ: «Должно быть утонеть въ водѣ!» Сильно ткнуль копьемъ въ дно рѣки, въ крѣпкую землю. Повисъ на вершинѣ рѣтовья²⁾, скорчившись клубомъ. Пришелъ рѣчной ледъ, льдины задѣваютъ обѣ древко. Приходящія сверху тѣснятся у конейнаго дерева, но оно такъ крѣпко, что не могутъ сломать его. Еще стоитъ оно. Такъ что весь ледъ разошелся по берегамъ. Спереди копья стала собираться забой. Стѣснилась ледяная запруда. По льду можно ходить, какъ по твердой землѣ. Пригналъ стадо, спрыгнувъ на берегъ, выбралъ упряженыхъ оленей, загналъ ихъ въ изгородь³⁾. Отправился за рѣку долгимъ поѣздомъ, перешелъ на другой берегъ и перегналъ оленей. Слабыхъ телять гонить вмѣстѣ съ мѣулиномъ⁴⁾, стадо бредеть поодаль. Самъ остался сзади всѣхъ, выдернулъ копье и перескочилъ на берегъ, льды разошлись, рѣка пробѣжала по прежнему. Когда кончился переходъ, отецъ говорить:—«Како! ловокъ ты! Я въ молодости не былъ такъ ловокъ».

На будущій годъ двинулся въ кочевой путь на ранней зарѣ. Старикъ со старухой пошли въ стадо. Витязь лежитъ вдоль изголовья⁵⁾, разбираетъ свой лукъ, тетиву снялъ и спряталъ въ мѣшокъ. Вышла жена изъ шатра и поспѣшила вѣжала назадъ; говорить:—«Собирайся! Опять приѣхали!» Много коряцкихъ молодцовъ. Воины привязываютъ оленей. Домъ окружень со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ приѣхавшихъ натянуль лукъ, поставилъ поперекъ двери.—«Убью тебя!» говорить.—«Ну что же, убей!» Во время этихъ словъ выстрѣлилъ. Какъ только звякнула тетива, подскочилъ высоко вверхъ, у передней стѣны шатра опустился на ноги, побѣжалъ, подхватилъ стрѣлу, ударилъ стрѣлой по головѣ и убиль, побѣжалъ къ другимъ, которые возились у саней, стала разбивать имъ головы. Всѣхъ перебилъ, только немногіе увидѣли издали и бѣжали. Собралъ упряженыхъ оленей, вошелъ въ шатель, говорить женѣ:—«Разбрай шатель! На коряцкихъ олевяхъ поѣдемъ къ своему стаду!» Пріѣхали къ стаду. Отецъ говорить:—«Опять что-то (случилось)!»—«Пожалуй!»—«Не будь такъ беззаботенъ! Берегись, убью тебя!»—«О, нѣтъ! Если нападутъ въ расплохъ, могу даже голыми руками. Весьма великоумныи и сдѣлался». Отецъ качаетъ головой.—«Пусть по твоему!» Увидѣль однажды у сосѣдей борющихся ребятишекъ. Играетъ съ ними, борется съ мальчишками, катается въ снѣгу съ ребятами... Пусть! Бродить въ снѣгу по поясъ... Пускай! Сталь каждый день возиться съ

¹⁾ Торбаса—обувь изъ оленыхъ кѣмусовъ, т. е. изъ крѣпкой шкуры, содранной съ оленыхъ ногъ. Чукчи для ходьбы надѣваютъ короткую обувь, запуская верхніе края подъ шнуровые раструбы шароваръ.

²⁾ Рѣтовье—древко.

³⁾ Изгородь для поимки упряженыхъ оленей воздвигается изъ тѣсно свинутыхъ саней въ видѣ узкой и длинной подковы.

⁴⁾ Мѣулин—кочевой поѣздъ.

⁵⁾ По передней стѣнѣ подога кладутся два длинные узкіе мѣшки, набиты рухладью и одновременно служащіе изголовьемъ и порогомъ.

дѣтьми. Куда прѣбѣть, дѣти набѣгутъ турьбой, свалить его въ снѣгъ и задавить.
Пусть, пусть! Только снѣгъ отрихаетъ съ лица и изъ-за рукавовъ.

Много сосѣдей собрались къ Лучнику. Стали удлиняться дни. Пробудившись, отправился на зарѣ къ уединенной скадѣ, особо стоящей среди ровной земли. Большая круглая сопка высятся надъ равниной. Съ нея спускается дорога къ сосѣднему стойбищу. Выше дороги густой темный лѣсъ, влѣво спускается русло горной рѣчки. Видѣть Лучникъ. Съ сопки спускается длинный рядъ ёдущихъ на олениахъ. Коряцкіе воины перебили сосѣдей и ёдуть къ этимъ стойбищамъ. Думаетъ умомъ: — «Отецъ правду говорилъ: — не нужно быть беззаботнымъ. Теперь пожалуй убьютъ меня. Жилище далеко, враги близко, а у меня только посохъ¹⁾ въ руки!...» — «Что же, думаетъ, пусть спрячусь!...» Но развѣ я женщина? Зачѣмъ мнѣ прятаться? Если вернусь, какъ взгляну на отца? Да и безъ пользы. Если спрячусь, перебьютъ товарищѣ, а меня потомъ все же отыщутъ по слѣду. Побѣжалъ стрѣлою къ густому лѣсу, обогнула рѣчу, побѣжалъ прямо къ дорогѣ. Достигъ ихъ дороги, пересѣкшей рѣку. Тепло на землѣ; весна!²⁾ Пиуль ногой дорогу, стала безспѣжной во всю длину. Покончивъ, побѣжалъ по надѣ рѣкой. Прибѣжалъ въ укромное мѣсто, снялъ одежду, спряталъ въ тайникъ. Нагишомъ побѣжалъ навстрѣчу ёдущимъ, ибо шумъ приближается. Легъ на безспѣжное мѣсто дороги, вытянулся во всю длину. Они выходятъ изъ лѣсу, передай увидѣть нѣчто лежащее: — «Что тамъ такое блеститъ, краснеетъ?» — «Гдѣ!» — «Вонъ тамъ!» — Ну-ка, пойдемъ посмотримъ! На безспѣжномъ мѣстѣ привязали оленей къ санямъ³⁾, иныхъ опутали деревомъ. Всѣ говорятъ: — «Вместѣ, вмѣстѣ пойдемъ!» Цѣлой грудой пошли къ нему, покинувъ оленей. Подошли. — «Мэй, это что? Силачъ издохъ!.. Эрмаченъ умеръ!. Именно онъ и есть! Тотъ самый, кого мы такъ часто собирались навѣстить!»

Стали кругомъ на склонѣ скалы, дивуются. Вотъ вездѣ у него мясо. Мускулы самые желѣзные, толстые. Касается земли только нѣрами, задницей и плечами, ибо весьма толстомясь. Ходятъ по краю скалистаго выступа. — «Умеръ таки онъ! Эрмаченъ умеръ!» Даже на членѣ у него мускуль, толстое мясо. — «Ну, поѣдемъ! Мы и такъ позабавились. Поѣдемъ мы, замедлились здѣсь... Навѣстимъ скорѣе старика, его отчѣшику! Убьемъ всѣхъ! Увидимъ кровь маленькихъ дѣтей!» Они уходить къ санямъ. По узкой дорогѣ идутъ рядомъ толпой. Еще не дошли до саней. Онъ тайкомъ поглядѣлъ на нихъ. Передній приблизился къ санямъ. Онъ поднялся на четвереньки и съ ревомъ побѣжалъ за вими вслѣдъ. Быстро бѣгаешь на четырехъ костяхъ тымйдѣка⁴⁾. Испугавшись покойника⁵⁾, всѣ они убѣжали въ лѣсъ. Даже олени стали рваться. Гдѣ были ремни слабы, сорвались и убѣжали. Кричать повсюду люди, отъ страха плачутъ, убѣгаютъ домой пѣшкомъ. Санки изломаны, олени разбѣгаются въ разныи стороны. Проползъ на четверенькахъ до рѣчки, одѣлся, поймалъ пару оленей, побѣжалъ впередъ, заѣхалъ поперекъ дороги бѣгущимъ и сталъ ихъ избивать. Всѣхъ перебилъ по одиночкѣ. Окончивъ избиеніе, всѣхъ оленей собралъ, а было 60 коряцкихъ воиновъ. Собралъ оленей, какъ цѣлое стадо. Вытянулись санки очень длиннымъ поѣздомъ, ибо ихъ было такъ много, что дрога ихъ отъ передней до задней нарты протянулась черезъ всю рѣку и черезъ косу на рѣкѣ и ушла на гору и перевалила черезъ вершину... Пришелъ домой Отецъ говоритъ: — «Что за диво? Опять? — «Ы!» — «Како! Неужели даже ножа не было? Голыми руками убилъ?» — «Ы!» — «Теперь можетъ быть коряки перестанутъ нападать!» И дѣйствительно, перестали.

Сообщено В. Г. Богоразомъ.

¹⁾ Короткій посохъ пѣшего не длиннѣе обыкновенной трости, съ кружкомъ изъ оленѣяго рога на концѣ.

²⁾ Тепло по чукотскимъ понятіямъ. Весеннее тепло есть въ сущности 10—15°/0 мороза даже въ полдень. Ночью морозъ достигаетъ 40°/0 С.

³⁾ Останавливаясь въ пути на короткое время, оленей, особенно смиренныхъ, привозятъ возжами къ головкамъ саней.

⁴⁾ Игра словъ: тымйдѣка — имѣющій быть убитымъ, также шутникъ, насмѣшникъ.

⁵⁾ Страхъ передъ мертвѣцами, которые послѣ смерти обращаются въ злыхъ духовъ, произвелъ множество различныхъ предохранительныхъ обрядовъ при погребеніи.

быть Ицѣйскій
шахъ. Знать па-
ти, гласъ, волосъ,
изъ прутталскаго
изъ зему королю то-
го, а поѣду королю
отъ въ честь да-
шо разъ доступали
ако ста Цаффиль
изъ юноши надумал
прышло величество
и дефандать боев
шаха, этихъ дв
шахъ, вики орудія
изъ растоянія отъ
шаха его город
и остановился и
и вѣщо въ гор-
стеть король, выхо-
ди сатры и удивил
шаха, откуль э-
шо? — разсуждает
истра думнаго спр
иши или сильныи
шахъ дочерей сват
шахъ у него Шамф
шахъ испѣвается
шахъ спутаться?
шахъ отѣшаетъ
шахъ прошай икона
шахъ сажай и ка-
шахъ зороди и ка-
шахъ сажай. Про-
шай, жить сажай
шахъ сажай, и ка-
шахъ зороди. Ка-
шахъ сажай, и ка-